

ЯПОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

ЯПОНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ ❖

ПЕРЕВОД И ОБРАБОТКА
Н. ФЕЛЬДМАН

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
С. МАРШАКА

РИСУНКИ
М.
МИТУРНА

ПЕЧЕНЬ ЖИВОЙ ОБЕЗЬЯНЫ

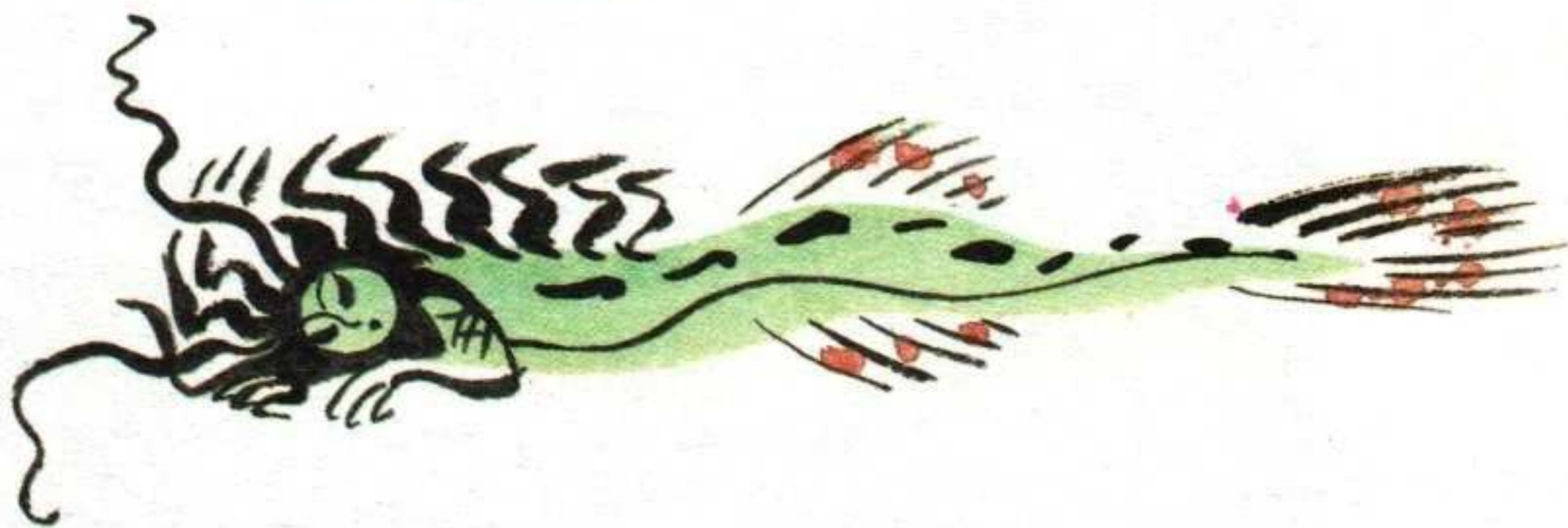
На дне моря случилась беда — у морского дракона заболела дочка.

Дракон был сильнее всех в море: страшный длинный хвост кольцами, из пасти огонь. Все его боялись: и акулы, и рыбы, и медузы.

И вот у дракона заболела дочка. Собрал он у себя во дворце самых лучших врачей. Лечили они драконову дочку на все лады, поили её всякими лекарствами — ничего ей не помогало. Дочка всё худела и синела.

Тогда дракон созвал своих подданных и спросил:

— Что мне делать?

— Са! — только ответили рыбы и склонили головы набок. А когда в Японии говорят «са», это значит: «сказать нечего».

Тогда послали за каракатицей. Каракатица поплавала-поплавала вокруг больной и сказала:

— Нужно достать печень живой обезьяны.

Дракон рассердился:

— Чтобы раздобыть печень живой обезьяны, надо сначала достать живую обезьяну! А где же найдёшь её здесь, на дне моря?

— Не сердись! — сказала каракатица. Она была очень старая и всё знала.— Далеко на юге есть в море Обезьяний остров. Пошли туда кого-нибудь, тебе и привезут живую обезьяну.

За таким большим делом не пошлешь кого попало. Стали думать, кого бы послать. Дракон говорит:

— Пошлём акулу. Она зубастая.

Каракатица замахала всеми своими восемью ногами:

— Нет! Нет! Разве можно посылать акулу? Вдруг она проглотит обезьяну вместе с печенью!

— Ну, тогда пошлём рыбу-пилу. Она юркая.

— Нет! — опять сказала каракатица.— А вдруг рыба-пила по дороге перепилит обезьяну пополам!

— Кого же тогда послать?

— Вот что! — сказала каракатица. Она была старая и всё знала.— Пошли медузу. Всем известно, что обезьяна живёт на суше. Значит, чтоб достать её, надо вылезть из воды. А это может только медуза. Медуза хвастается, что у неё четыре ноги и ей нипочём ходить по земле. Пусть же достанет обезьяну.

— Слышишь, медуза? — спросил дракон.

— Слышу,— сказала медуза.— Только мне никогда до сих пор не приходилось доставать обезьян. Обезьяна — какая она с виду?

— У обезьяны красное лицо, красный зад и короткий хвост. Она любит лазить по деревьям и есть каштаны.

— А-а,— сказала медуза. Она хотела уже отправиться в путь, но задумалась и опять спросила: — А как достают обезьян?

— Конечно, тебе силой обезьяну не захватить. Ты маленькая, а она большая. Надо её обмануть.

— А-а,— второй раз сказала медуза и тронулась было в путь, но опять остановилась и спросила: — Как же я её на себе довезу, если я маленькая, а она большая? Мне будет тяжело.

— Что поделаешь! Придётся тебе потерпеть.

— А-а,— в третий раз сказала медуза, всплыла со дна моря наверх и поплыла по волнам далеко-далеко к югу.

Всю дорогу медуза думала. Она думала о том, как бы ей обмануть обезьяну, и дорога показалась ей короткой. А плыла она целых три дня.

Наконец далеко-далеко впереди на голубой воде показалась чёрная точка.

«Вот и Обезьяний остров!» — подумала медуза.

Она поплыла быстрее, добралась до берега, отряхнулась и вылезла на сушу. И сразу же она увидела дерево, а на дереве красный зад и короткий хвост.

«Вот она, живая обезьяна!»

— Здравствуй, обезьяна! — заговорила медуза.— Какая хорошая погода!

— Здравствуй, не знаю, как тебя зовут. Погода хорошая, это правда, а кто ты такая и откуда взялась?

— Я — медуза. Я живу на дне моря. Мне захотелось погреться на солнышке, и я всплыла наверх погулять.

Нечаянно заплыла сюда и вылезла на берег. У меня, видишь ли, четыре ноги. Мне все равно, что по воде плавать, что по суше ходить. А славный у вас тут островок!

— Лучший остров в мире, — сказала обезьяна. — Посмотри, какие у нас высокие деревья, сколько кругом орехов и каштанов. Тебе, верно, никогда ещё не приходилось бывать в таком прекрасном месте.

— Ну, как сказать! — ответила медуза. — Я похвалила твой остров потому, что я вежливая. Но ты сама должна понимать, что я видела на свете места и лучше. Ведь я живу на дне моря!

— Неужели? — удивилась обезьяна и перебралась на ветку пониже: отсюда ей было слышнее. — А разве там можно жить?

— Что ты, неужели не знаешь? Неужели не слыхала про дворец морского дракона? Я живу около самого дворца.

— Слышать-то слыхала, а видеть не пришлось, — призналась обезьяна. — Разве только на картинках...

— Ну, наше дно гораздо красивей, чем на картинках! — перебила медуза. — Ты даже не можешь себе представить, как там хорошо!

— Что же там хорошего? — спросила обезьяна.

Медуза хотела было сказать, что там густая солёная вода и много-много тины и слизней. Ведь для неё это было самое вкусное. Но она вовремя вспомнила, что ей велели обмануть обезьяну, и сказала:

— Там очень высокие деревья, вдвое выше, чем у вас.

— А есть ли на них каштаны? — спросила обезьяна и перебралась на самую нижнюю ветку.

— Каштаны? Да сколько хочешь! Они растут у нас на всех деревьях. Не то что на каштановых, а даже и на соснах!

— О! — удивилась обезьяна. Она совсем слезла с дерева и подошла к самой воде.— Как бы я хотела побывать у вас.

Медуза обрадовалась, но притворилась, что ей всё равно.

— Если уж тебе так хочется побывать у нас, я могу тебе, пожалуй, показать дорогу,— сказала она.

— Но ведь я не умею ходить по воде.

— Не умеешь? Жалко. Ну, да уж раз тебе очень хочется, так и быть, я повезу тебя на своей спине.

— Нет, как можно! Тебе будет тяжело.

— Не беспокойся, я потерплю.

— Ну, если ты так любезна, спасибо! Давай поедем.

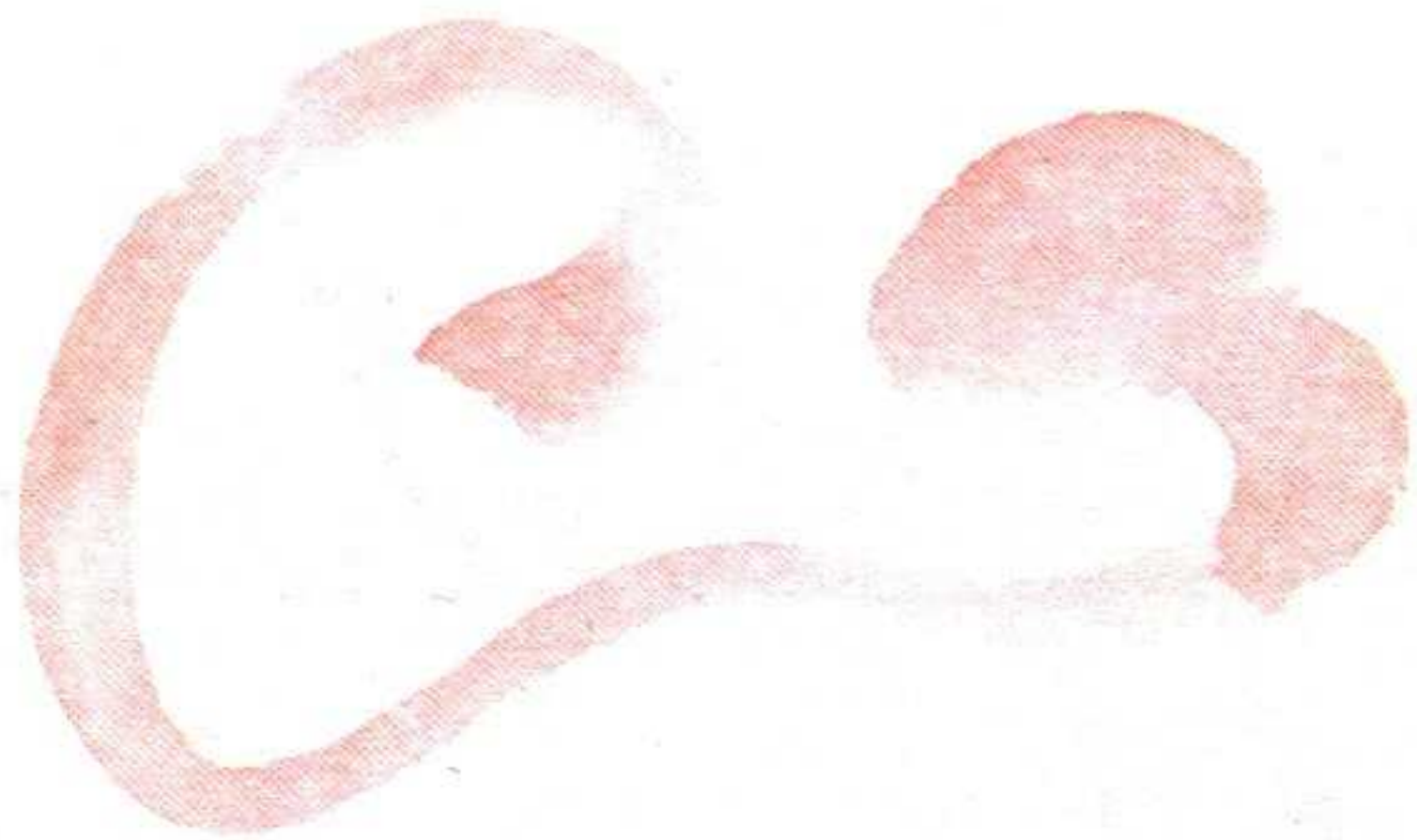
Медуза плюхнулась в воду, а любопытная обезьяна осторожно шагнула на её широкую спину, уселась на корточки и длинными руками ухватилась за бока медузы.

— Только потише,— сказала она.— Я боюсь свалиться в воду: спина и бока у тебя такие скользкие!

— Ничего, держись крепче!

Медуза поплыла быстро-быстро. Дело было сделано: живая обезьяна сидела у неё на спине. Теперь медузе больше не о чем было думать. Ей даже стало скучно. К тому же она была болтлива и не любила молчать, когда есть с кем поговорить.

— Скажи, пожалуйста,— спросила вдруг медуза,— у тебя есть печень?

Обезьяна удивилась:

— А зачем тебе это знать?

— О, это очень важно!

— Для чего же это важно?

— Так. Не могу сказать.

Обезьяна даже испугалась. Она сразу поняла, что против неё что-то затевают.

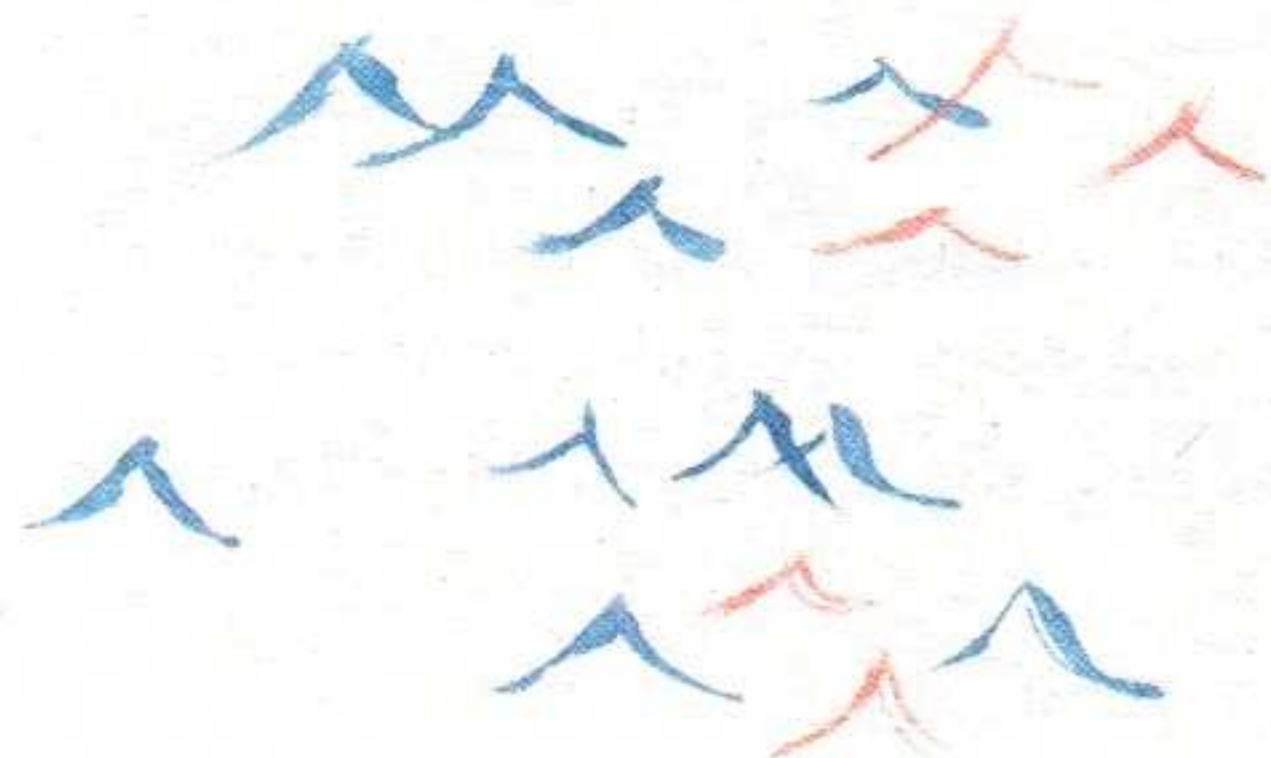
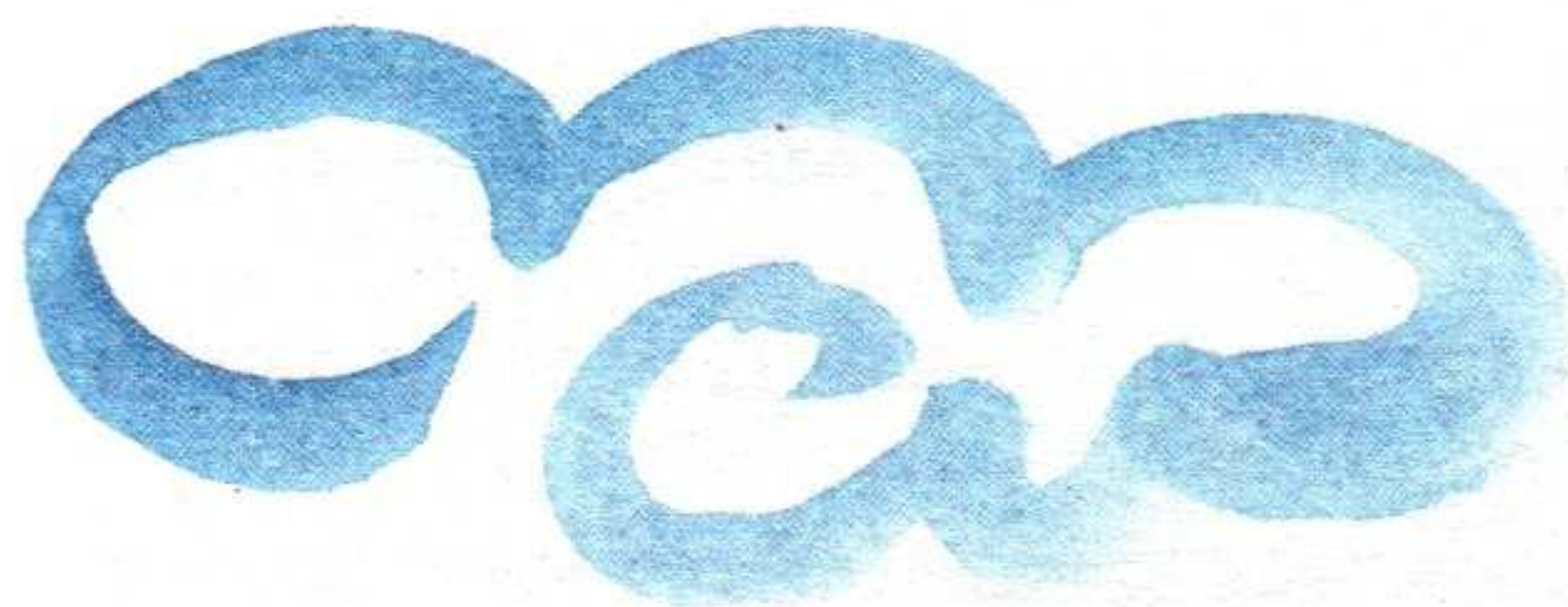
— Нет, пожалуйста, скажи мне,— попросила она медузу.— А то вдруг

окажется, что печень у меня совсем не такая, как тебе нужно.

Тут уж и медуза испугалась. Она забыла, чему её учили, и рассказала обезьяне всю правду:

— Твоя печень нужна для дочки морского дракона. Она заболела, и её никак не могут вылечить. Вот меня и

послали за тобой. Когда я тебя привезу, у тебя возьмут печень, драконова дочка её съест и будет здорова.

Обезьяна так и задрожала от страха.

Она чуть не соскочила со спины медузы, но кругом было море. Что ей было делать? Попросить, чтобы медуза отвезла её обратно? Но ведь медуза её не слушается.

Обезьяна подумала немного и сказала самым спокойным голосом:

— Конечно, я с удовольствием отдам свою печень. У меня их много. Неужели же я пожалею одну или две печёнки, да ещё для кого? Для дочки морского дракона! Не такая я обезьяна, чтобы жалеть. Но отчего же ты не сказала мне этого сразу? Ведь я, как нарочно, оставила все свои печени дома.

— Как — оставила?

— Да так и оставила! Утром я их выстирала и повесила на дерево сушить. Печени надо раз в неделю стирать, а то они делаются грязные.

«Вот беда! — подумала медуза. — Хорошо ещё, что я вовремя её спросила».

— Эй, ты! — сказала она обезьяне. — Чего же я тебя даром везу? На что ты мне без печени?

— Верно,— ответила обезьяна.— Давай вернёмся на остров за печенью.

— А ты правду говоришь? Они и в самом деле висят там на дереве?

— Вот увидишь! У меня там есть одна очень хорошая, жирная печень.

— Так ты её и возьми, самую жирную. Хорошо?

— Непременно. Только поскорей довези меня до берега!

Медуза повернулась и поплыла обратно к острову.

Как только она очутилась у берега, обезьяна спрыгнула с её спины на землю, в два скачка добралась до дерева и ухватила за нижнюю ветку руками и ногами.

— Что же ты так долго? — позвала её медуза.— Скорей! Мы и так потеряли много времени.

А обезьяна взобралась на самую верхушку дерева и показала медузе язык.

— Невежа! — рассердилась медуза.— Слезай скорей!

— И не подумаю! Спасибо за прогулку. Больше я на тебе не поеду.

— А печень? Как же я без неё останусь? — заплакала медуза.

— Как ты без неё останешься, мне всё равно. А вот я без неё не хочу оставаться. Ты думаешь, мои печени и в самом деле висят на дереве? Нет, у меня всего одна печень, и та у меня внутри, где ей и полагается быть.

— Так ты, значит, меня обманула? — рассердилась медуза.— Ведь это же бессовестно! Я на тебя пожалуюсь морскому дракону.

— Не боюсь я твоего морского дракона. А если тебе уж так хочется получить мою печень, полезай ко мне на дерево сама. У тебя ведь четыре ноги.

Но лазить по деревьям медуза не умела.

— Послушай,— сказала она тогда,— а как же дворец морского дракона? Ты ведь собиралась на него посмотреть. А каштаны на соснах?

— Не нужны мне твои каштаны на соснах. Я люблю только каштаны с каштанов,— ответила обезьяна.

Так и пришлось глупой медузе возвращаться ни с чем. Она опять поплыла по волнам далеко-далеко на север,

домой. И опять дорога показалась ей короткой: она всё время думала. Думала теперь она о том, отчего это обезьяна больше не хочет поглядеть на подводное царство.

А дома её уже три дня ожидал дракон и все его подданные.

— Где же обезьяна? — закричали рыбы, как только увидели медузу.

— На дереве,— печально ответила медуза.— Сначала я её обманула, а

потом она меня. Я ей рассказала, что у нас на соснах растут каштаны. Обезьяне это понравилось. Она уселась ко мне на спину, и я её повезла. Но потом по дороге обезьяна вспомнила, что оставила свою печень дома, и нам пришлось вернуться на остров. А на самом деле обезьяна меня обманула: печень была у неё с собой. Ей просто не хотелось ехать к нам в подводное царство. Она думает, что каштаны на соснах не сладкие.

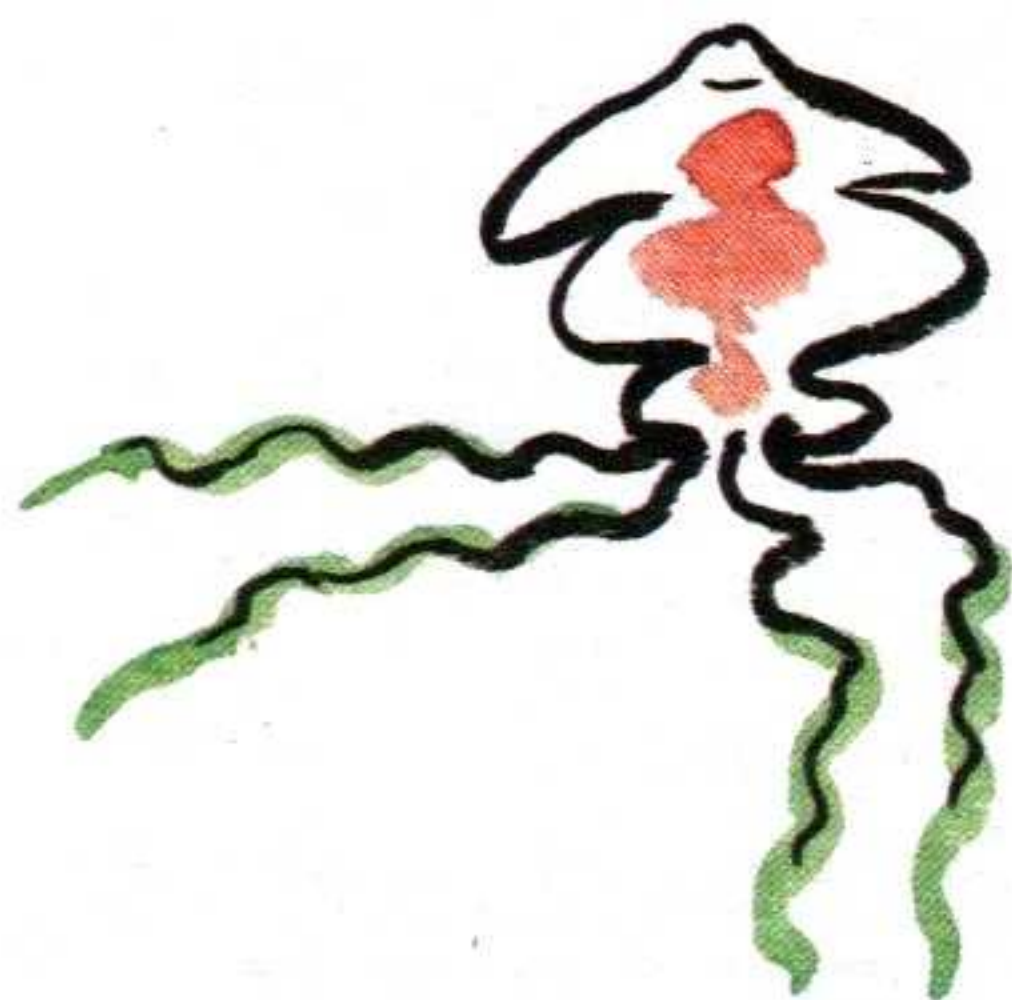
Морской дракон послушал-послушал медузу, потом ударил хвостом по дну и закричал:

— Бейте её изо всей силы! Так бейте, чтобы все кости из неё выколотить! Такая дура и без костей проживёт.

Били медузу, били, били её, били — и вправду все кости из неё выбили.

С тех пор медуза и осталась без костей. И колышется она на волнах, как мягкий зыбкий комок.

На что дураку кости?

ШИШКА СПРАВА И ШИШКА СЛЕВА

Давным-давно жил в деревне Асано старик. Звали его Гоэмон. Это был необыкновенный старик: на правой щеке у него торчала шишка. Большая круглая шишка, похожая на хорошее яблоко.

Когда Гоэмон смотрел налево, он всё видел. А когда смотрел направо, то видел только свою шишку. Это ему очень не нравилось. А вдобавок от тяжёлой шишки голова у него свешивалась набок. Это тоже было неудобно.

Старик только и думал, как бы ему избавиться от шишки.

Вот раз пошёл он в лес на гору нарубить себе дров. Вдруг началась гроза. Ударил молния, загредел гром, полил дождь.

«Куда бы мне спрятаться?» — подумал старик и стал смотреть по сторонам. Неподалёку он увидел большое дуплистое дерево. Обрадовался старик, побежал к дереву и забрался в дупло.

А уже стемнело. В горах не стучали больше топоры дровосеков. Было совсем тихо. Только ветер с воем проносился мимо дерева. Гоэмону стало страшно. Со страху он съёжился на самом дне дупла, крепко зажмурился и стал бормотать про себя: «Кувабара, кувабара»¹.

¹ Чур, меня!

В полночь, когда ветер утих и капли дождя стали падать всё реже и реже, с горы раздался какой-то шум — громкий топот и голоса.

Сидеть в дупле старику было так скучно, что он очень обрадовался голосам. Открыл глаза, поднялся во весь рост и осторожно высунул голову из дупла.

Что же он увидел?

С горы к дереву шли не люди, а горные чудища. Красные, синие, зелёные. У кого было три глаза, у кого два носа, у кого рог на лбу, у кого рот до ушей. А только такой шишки, как у Гоэмона, не было ни у одного чудища. Гоэмон ещё больше испугался. Он присел в дупле и так съёжился, что стал чуть ли не меньше своей собственной шишки.

Тем временем чудища с воем и рёвом подошли к самому дереву и стали рассаживаться на траве. Главное чудище село посередине, а по бокам полукругом уселись чудища поменьше. Потом все они достали из карманов фарфоровые чашечки, рисовую водку и стали угощать друг друга, совсем как люди. Сначала пили молча, потом хором запели песню, а потом вдруг одно маленькое чудище вскочило, выбежало на середину круга и пустилось плясать. За ним пошли в пляс и остальные. Одни плясали

получше, другие похуже. Когда пляска кончилась, главное чудище одобрительно кивнуло головой и сказало:

— Хорошо, очень хорошо! У нас сегодня весело. Но только вы все пляшете одинаково. Вот если бы хоть кто-нибудь сплясал по-другому, по-новому!

Старик всё это слышал. Он сначала сидел в дупле и боялся открыть глаза. Но потом понемногу его стало разбирать любопытство. Он осторожно приподнялся и чуть-чуть высунул голову наружу, так что только его левый глаз был над дуплом, а правый глаз, нос и шишка оставались в дупле. А когда Гоэмон увидел, как весело чудища пляшут, он совсем забыл про страх. Ноги у него так и заёрзали. Но в дупле было тесно — там не то что плясать, а и пошевелиться нельзя было.

И вдруг Гоэмон услышал, как главное чудище проговорило: «Вот если бы хоть кто-нибудь сплясал по-другому, по-новому!» Тут старику до смерти захотелось выскочить из дупла и поплясать на свободе. Нет, страшно! А вдруг съедят?

Пока он так раздумывал, чудища принялись все разом хлопать в ладоши, да так дружно и весело, что Гоэмон больше не мог утерпеть.

— Эх, чего бояться! Попляшу в последний раз, а там пускай едят!

Он оперся рукой на край дупла, перекинул ногу и выскочил прямо на середину круга.

Чудища даже перепугались. Повскакали с мест, всполошились:

— Что такое?

— Что случилось?

— Человек!

А старик, не слушая ничего, давай

плясать! То подскочит, то пригнётся, то сожмётся, то вытянется, то направо забежит, то налево отойдёт, то волчком завертится. Пляшет и побрякивает:

— Э-э, коря, э, коря...

Чудища засмотрелись на него, стали притопывать ногами, прищёлкивать языком, бить в ладоши.

— Здорово!

— Ярэ!

Когда Гоэмон наконец выбился из сил и остановился, главное чудище сказало:

— Вот спасибо, старик! Мы сами любим поплясать, а такой пляски ещё никогда не видели. Приходи завтра вечером, спляши нам ещё раз.

Гоэмон только улыбнулся:

— Ладно! Я и без вашего зова приду. Сегодня, по правде говоря, я не собирался плясать, не приготовился. А уж к завтрашнему вечеру я припомню всё, что плясал в молодости.

Тут чудище, которое сидело справа от главного, сказало:

— А может, старик задумал нас обмануть и не придёт? Надо взять у него что-нибудь в залог.

Главное чудище кивнуло головой:

— В самом деле надо.

— Но что же у него взять?

Чудища зашумели. Одни кричали: «Шляпу!», другие: «Топор!»

Но главное чудище подняло руку и, когда все замолкли, сказало:

— Лучше всего взять у него шишку со щеки. Я видал людей и знаю, что такой шишки ни у кого нет. Наверно, это очень драгоценная вещь.

У Гоэмона от радости задрожали руки и ноги. Но он притворился, что ему очень жаль своей шишки.

— Лучше вырвите у меня глаз,— закричал он,— лучше выдерните язык, оторвите нос, уши, но только, пожалуйста, не трогайте шишку! Я столько лет ношу её, я так берегу её. Что я стану делать без шишки?

Главное чудище, услышав это, сказало:

— Поглядите, как он дорожит своей шишкой! Ну, если так, взять её!

Сейчас же самое маленькое чудище подскочило к старику и мигом открутило шишку с его щеки. Гоэмон даже ничего не почувствовал.

В это время стало светать. Закаркали вороны.

Чудища засуетились.

— Ну, старик, приходи завтра! Получишь назад шишку.

И вдруг все исчезли.

Гоэмон оглянулся — никого нет. Потрогал щеку — гладко. Скосил глаза вправо — и сосну видит, и ветки, а шишку не видит.

Нет больше шишки!

— Вот счастье! Ну и чудеса бывают на свете!

И старик побежал домой, чтобы поскорей обрадовать свою старуху.

Когда старуха увидала его без шишки, она всплеснула руками:

— Куда же ты девал свою шишку?

— У меня её черти взяли.

— Ну-ну! — только и сказала старуха, и глаза у неё стали круглые.

А в той же самой деревне жил другой старик. Звали его Буэмóн. Он так был похож на Гоэмона, как будто один из них был настоящий, а другой вышел из зеркала. У Буэмона тоже была на щеке

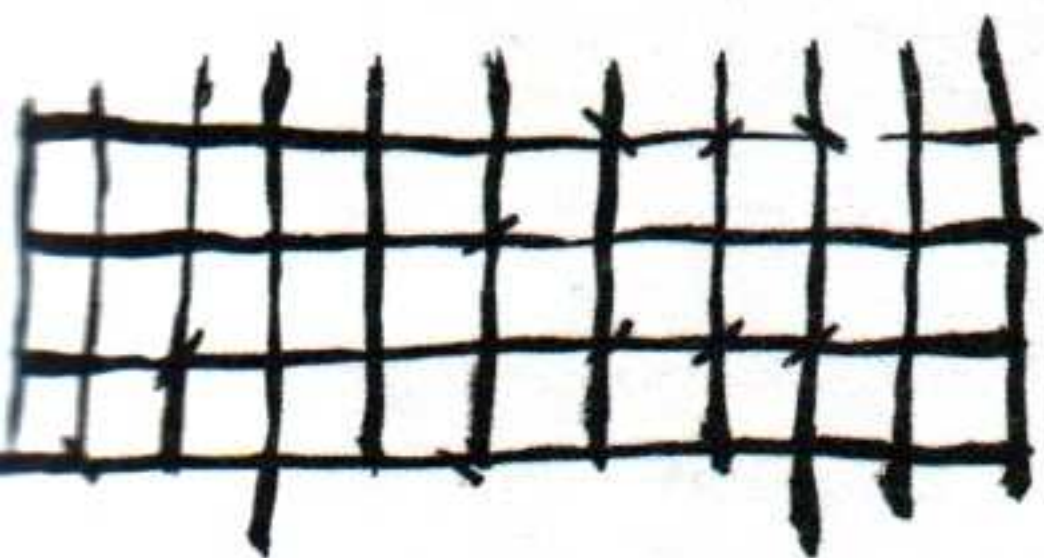
большая шишка, только не на правой, а на левой.

Поэтому, когда он смотрел направо, то видел всё, что хотел видеть, а когда смотрел налево, то видел не то, что хотел, а только свою шишку.

И голова у него тоже свешивалась, только не направо, а налево.

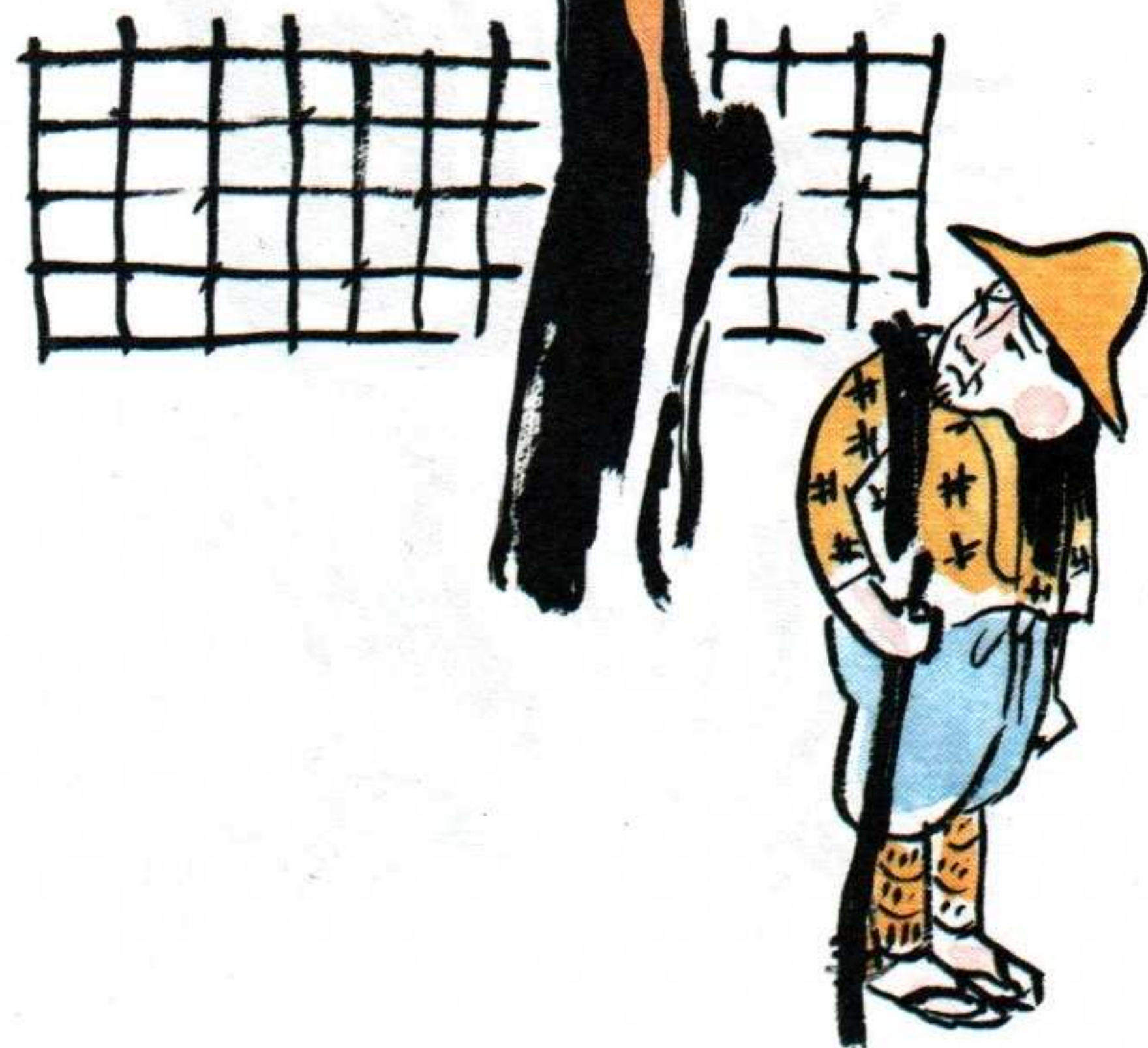
Шишка Буэмону давно надоела. Ему очень хотелось, чтобы у него не было шишки.

Вот идёт он по деревне и встречает своего соседа, Гоэмона. Смотрит, а у Гоэмона правая щека стала такая же гладкая, как и левая. Будто и не было у него шишки.

— Слушай,— спросил он,— куда же девалась твоя шишка? Может, её срезал какой-нибудь искусный лекарь? Скажи мне, пожалуйста, где он живёт, и я сейчас же пойду к нему. Пусть он срежет и мою шишку.

А Гоэмон отвечает:

— Нет, это не лекарь снял мою шишку.

— Не лекарь? А кто же?

Тут Гоэмон рассказал Буэмону всё, что с ним случилось в прошлую ночь.

— Вот оно что! — сказал Буэмон. — Ну, плясать-то и я умею! Сегодня же пойду к чертям и спляшу. Скажи только, где это место, куда они приходят ночью.

Гоэмон рассказал подробно, как найти дерево с дуплом, в котором он просидел ночь.

Буэмон, конечно, обрадовался и сейчас же побежал в лес, нашёл дерево, залез в дупло и стал ждать чудищ.

Ровно в полночь сверху с горы послышался шум: громкий топот и голоса. К дереву с воем и рёвом бежали красные, синие, зелёные чудища. Как и накануне, они расселись на траве перед деревом и начали пировать. Сперва выпили рисовой водки, потом запели хором песню.

А старик как только увидел чудищ, забился в дупло и зажмурил глаза. Со страху он даже забыл, зачем пришёл.

И вдруг он услышал, как главное чудище проревело:

— Ну что, нет ещё старика?

Маленькое чудище запищало в ответ:

— Где старик? Что же нет старика?

Тут Буэмон вспомнил про свою шишку и подумал: «Ну, уж если пришёл, надо вылезать. Так и быть, спляшу им!»

И он кое-как выкарабкался из дупла.

Самое маленькое чудище увидело его и завизжало во весь голос:

— Пришёл! Пришёл! Вот он!

Главное чудище обрадовалось:

— А, пришёл? Ну, молодец, старик! Ступай-ка сюда, попляши.

Чудища захлопали в ладоши. А старик от страха чуть жив: поднял он правую ногу — левая подогнулась, чуть не упал. Поднял левую — правая подогнулась, опять чуть не свалился.

Главное чудище смотрело-смотрело и вдруг рассердилось:

— Что это за пляска! Ты сегодня так скверно пляшешь, что смотреть противно. Довольно! Убирайся! Эй, отдать ему залог!

Сейчас же самое маленькое чудище подбежало к старику.

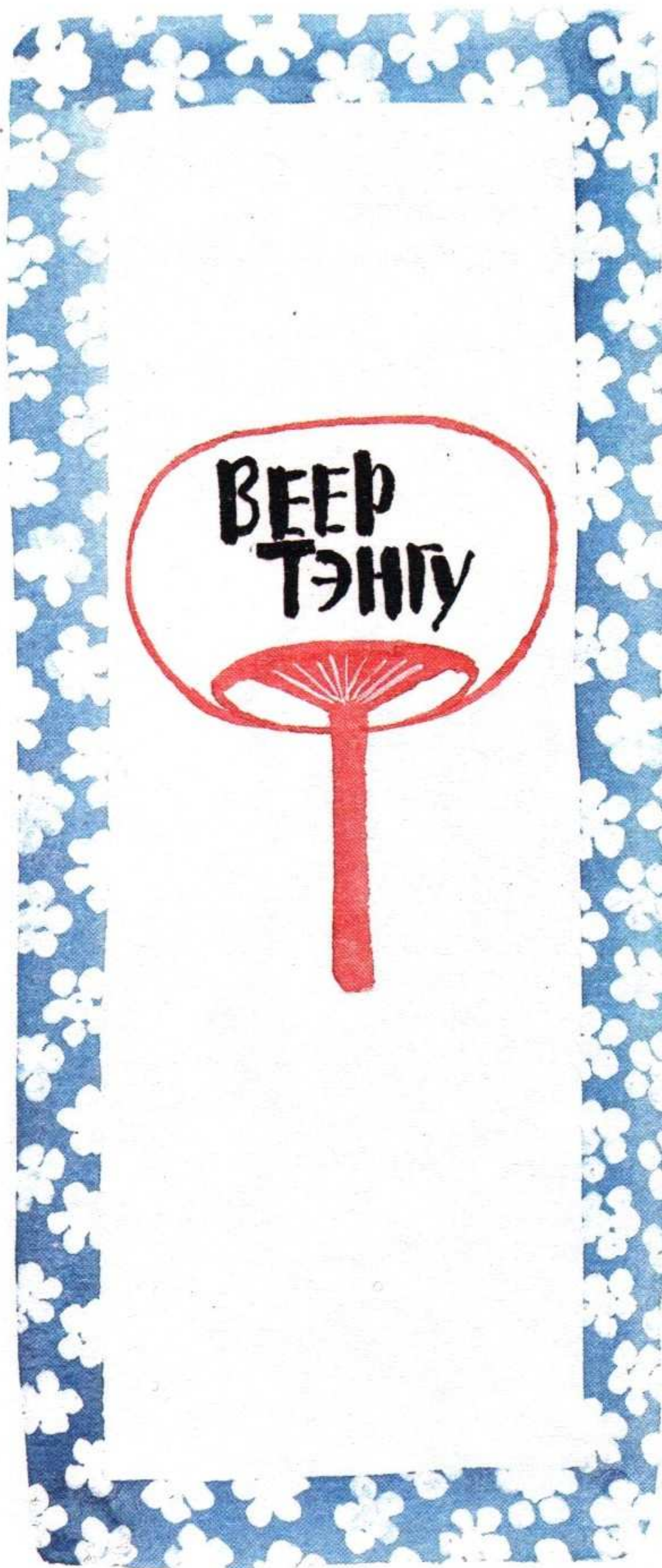
— На, получай обратно!

И шлёп! — прилепило ему шишку на правую щёку.

Теперь у старика две шишки: справа шишка и слева шишка.

Зато хоть голова не свешивается ни направо, ни налево,
а держится прямо.

Стоял тёплый весенний день. Хэйсаку пошёл в горы накопить себе сена.

Солнце ласково припекало, и ленивому Хэйсаку захотелось отдохнуть и погреть спину. Он уселся на пенёк, стал смотреть на высокое голубое небо и слушать чириканье воробьёв. Слушал-слушал и совсем забыл о работе. А когда ему надоело сидеть, он вынул из кармана игральные кости и принялся подбрасывать их. Кости падали на большой плоский камень, который лежал тут же около пня, а Хэйсаку приговаривал:

Кости, кости,
Ложитесь, кости,
Белые кости.

Вдруг сзади, с высокой сосны, послышался тоненький голосок:

— Хэйсаку, что это ты делаешь?

Хэйсаку испугался. Он оглянулся и увидел прямо перед собой на ветке сосны носатого чёрта — Тэнгу, настоящего Тэнгу, как его рисуют на картинках: длинный нос торчит выше головы, а в руке веер.

Хэйсаку упал на колени, задрожал и заплакал:

— Пощади меня, Тэнгу, не тронь меня!

— Да ты не бойся! — ласково сказал Тэнгу. — Я вовсе и не собираюсь тебя убивать. Я только хочу знать, что это ты подбрасываешь и зачем бормочешь какие-то слова? Что у тебя в руках?

— Это? Это игральные кости. Вот видишь, так будет одно очко, а так два, может выпасть и три, и четыре, и даже шесть. В кости можно выиграть много денег.

Тэнгу ничего не понял, но всё-таки подумал, что игральные кости — забавная штука. И ему очень захотелось их получить.

— Хэйсаку, отдай-ка мне твои игральные кости.

Но Хэйсаку не согласился:

— Как же я отдам тебе кости? Это всё равно что отдать свою голову.

Носатому Тэнгу ещё больше захотелось получить кости.

— Я ведь не прошу их у тебя даром! Я дам тебе за них одну очень хорошую вещь, — сказал он как можно ласковее.

— Что ж ты мне дашь?

— А вот что.

И Тэнгу показал ему веер, который держал в руке.

— Только и всего? А на что мне такой потрёпанный веер?

— Как! Ты не знаешь, что такое веер Тэнгу? Вот я тебе сейчас объясню. Если постучать по разрисованной стороне веера и три раза сказать: «Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!» — тогда кончик носа, твоего или чужого, это как тебе понадобится, станет расти кверху. Захочешь, чтобы нос вырос ещё повыше, постучи сильнее. Захочешь, чтобы он рос медленно, постучи тихонько. Если же ты пожелаешь, чтобы нос стал опять короче, и это можно сделать: только постучи по оборотной стороне веера и три раза скажи: «Нос, сожмись! Нос, сожмись! Нос, сожмись!» — и нос понемножку начнёт делаться меньше. Видишь, какая это замечательная вещь, веер Тэнгу. Ну, говори, веришь ли ты мне или не веришь? А не то я сейчас вытяну твой плоский нос выше головы.

Хэйсаку испугался и закрыл нос рукой:

— Верю, верю! Помилуй! Пощади! Как я буду жить с таким длинным носом!

— Ну так давай меняться. Вот тебе веер, а я возьму твои игральные кости.

— Хорошо, — ответил Хэйсаку. Он был очень рад, но притворился, что слушается Тэнгу только из страха.

Хэйсаку отдал Тэнгу старые, потре-
скавшиеся кости, получил за них волшеб-
ный веер и, довольный, пошёл домой.

...Ленивый Хэйсаку шёл по дороге
и думал: «На ком бы попробовать вол-
шебную силу веера?»

Вдруг он увидел торжественное шест-
вие: четверо слуг несли на бамбуковых

носилках под шёлковым балдахином кра-
савицу, а спереди, сзади, справа и слева
шла целая толпа слуг и служанок.

Эта красавица была дочерью самого
богатого князя в округе.

«А ну-ка, попробую я вытянуть ей
нос! Вот будет забавно!» — подумал
Хэйсаку.

Он незаметно вмешался в толпу слуг,
пробрался к самым носилкам, легонько
стукнул в веер с разрисованной стороны
и прошептал три раза:

— Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!

И вот у красавицы нос слегка загнулся, а потом стал понемножечку вытягиваться кверху — вырос на вершок, потом на два вершка, потом на три. А Хэйсаку так испугался, что поскорей убежал домой.

Через два-три дня повсюду разнёсся слух, что дочь князя заболела небывалой болезнью: у неё вырос кверху кончик носа и она стала похожа на Тэнгу. Ни лекарства врачей, ни молитвы монахов, ни заклинания знахарей — ничто ей не помогает. Бедная красавица заперлась у себя в замке, закрыла лицо широким рукавом и целый день плачет. А родители совсем потеряли голову от горя.

Наконец перед воротами княжеского замка вывесили большое объявление:

КТО ВЫЛЕЧИТ КНЯЖНУ
ОТ НЕБЫВАЛОЙ БОЛЕЗНИ,
ТОТ ПОЛУЧИТ ЕЁ В ЖЕНЫ.

Когда ленивый Хэйсаку увидел это объявление, он сейчас же побежал домой, взял свой волшебный веер и поспешил в замок.

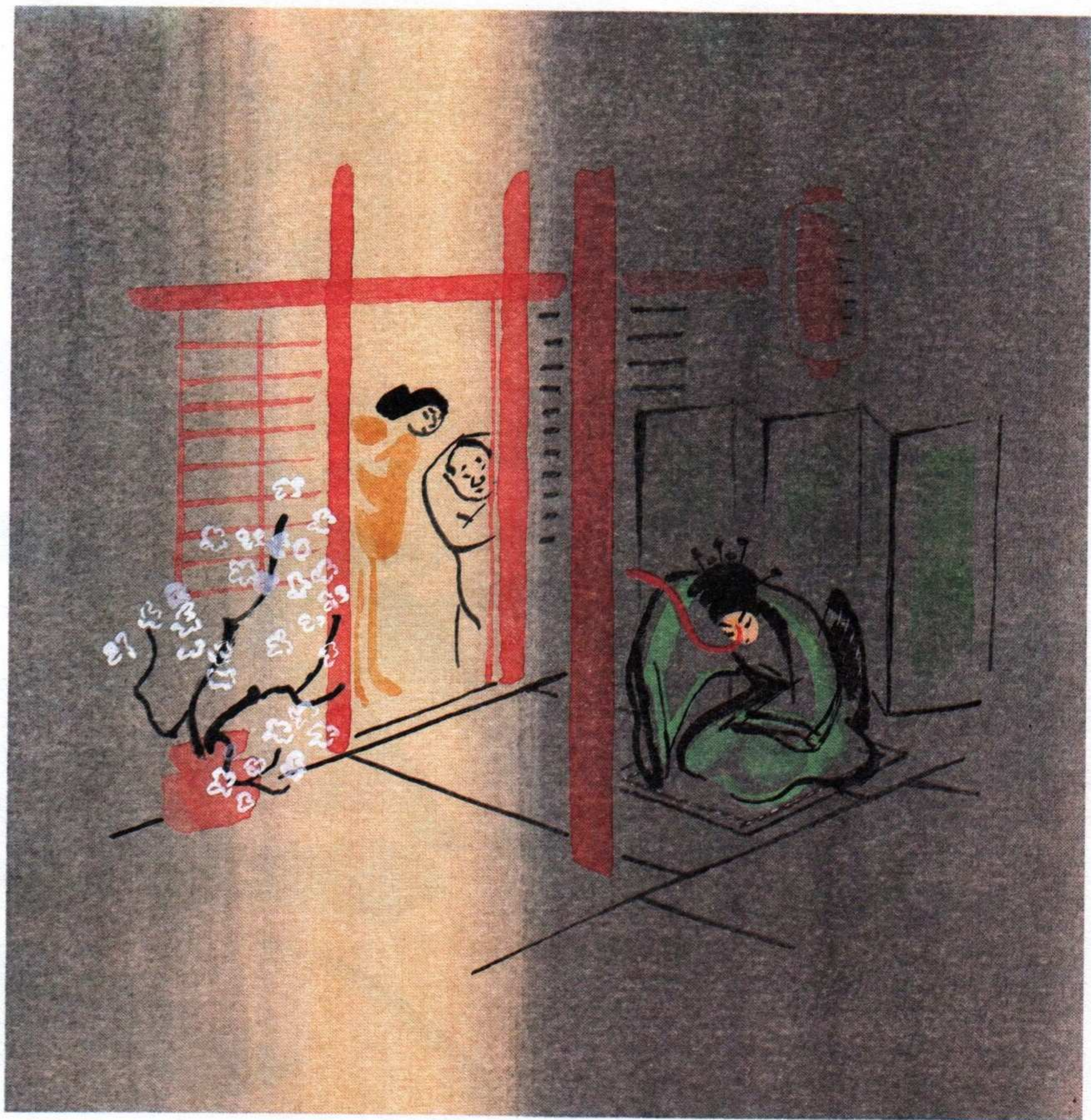
— Я могу вылечить княжну! — сказал Хэйсаку, как только его пустили в замок.

Слуги повели его в покои княжны. Хэйсаку низко поклонился красавице, а потом постучал в обратную сторону веера и прошептал три раза:

— Нос, сожмись! Нос, сожмись! Нос, сожмись!

И сейчас же нос красавицы стал уменьшаться — сначала на один вершок, потом на два, потом на три. Кончик его выпрямился, и нос стал такой же красивый, как был раньше. А сама красавица стала ещё лучше, чем была.

Нечего делать, пришлось ей выйти за Хэйсаку замуж.

Так с помощью волшебного веера Тэнгу ленивый Хэйсаку сделался самым богатым человеком в деревне. Он мог теперь есть жареных угрей с белым рисом сколько ему хотелось, целыми днями мог валяться в постели или гулять по горам, а главное — ничего не делать. Так он и жил. Один день наедался до отвала, другой день спал без просыпу, третий день слонялся по своим владениям, а потом начинал сначала.

Но всё это ему скоро надоело, ничего не делать было очень скучно.

Однажды Хэйсаку лежал в саду и от скуки зевал. Чтобы хоть как-нибудь позабавиться, он вытащил из-за пояса свой веер, посмотрел на него и подумал: «А как далеко может вытянуться мой собственный нос?» И тут ему сразу

стало веселее. Он сел, постучал в веер и сказал три раза:

— Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!

Сейчас же кончик носа у Хэйсаку загнулся кверху и стал расти. Вырос на вершок, на два, на три. Хэйсаку постучал ещё. Нос вырос на шесть вершков, на целый аршин, на два аршина, на три. Вот он вырос выше дома, выше самого высокого дерева. Вот вытянулся кверху так высоко, что сам Хэйсаку уже не мог разглядеть снизу кончик своего носа. Хэйсаку совсем развеселился. Он забарабанил по вееру что было сил. Нос вытягивался, вытягивался, вырос выше облаков, дорос до самого неба и проткнул небо насквозь.

А на небе сидел в это время Гром. Вдруг он видит: что-то тоненькое, красное и острое проткнуло небо и лезет кверху. Гром удивился.

«Похоже на морковку. Но я никогда не видел, чтобы морковка росла на небе, да ещё кончиком вверх!» — подумал Гром.

И он крепко ухватился за морковку своей ручищей.

— Ай! — крикнул Хэйсаку внизу на земле.

Хоть кончик носа и ушёл от него да-

леко, но всё же это был кончик его собственного носа, и бедному Хэйсаку стало больно. Он сейчас же перевернул веер, забарабанил по другой его стороне и заговорил быстро-быстро:

— Нос, сожмись! Нос, сожмись! Нос, сожмись!

И в самом деле: нос сразу стал уменьшаться — на вершок, на два, на три.

Но Гром крепко держал кончик носа в руке, а Гром, конечно, был сильнее Хэйсаку. Нос становился всё меньше и меньше, а кончик его по-прежнему оставался на небе. А так как кончик носа не мог опуститься с неба на землю, то самому Хэйсаку пришлось подняться с земли на небо. Сначала он должен был встать на ноги, потом подняться на цыпочки, потом совсем оторваться от земли. Чем меньше делался нос, тем выше подымался Хэйсаку. Его подняло выше дома, выше самого высокого дерева в саду, выше облаков и, наконец, подтянуло к самому небу. Но дырка, которую он проткнул носом, была так мала, что сам Хэйсаку не мог в неё пролезть. И он остался висеть на кончике своего собственного носа под самым небом.

Так и висит он до сих пор.

ДВЕ ЛЯГУШКИ

Давным-давно, когда город Киото ещё был столицей Японии, жила в Киото лягушка. Жила она не где-нибудь, а при храме, в маленьком полувysохшем колодце во дворце.

Хорошо ей там было: дно мягкое, липкое, сырое.

Но вот наступило жаркое лето. Такое жаркое, что всё кругом повysохло — лужи, канавы, ручьи. И старый колодец, конечно, тоже совсем пересох. Дно потрескалось, стало сухое и твёрдое. Даже не верилось, что в колодце сидишь.

«Придётся переезжать! — подумала бедная лягушка. — Но куда же? Поблизости всё кругом высухlo. Пойду-ка я в город Осака. Осака, говорят, у моря, а я моря никогда не видела. Хоть погляжу, какое оно!»

Выбралась лягушка из колодца и тихонько поскакала по дороге в город Осака.

А в городе Осака жила другая лягушка. В большом круглом пруду ей жилось привольно. Она зарывалась с головой в мягкий ил или плавала в мутной воде среди качающихся водорослей, а в солнечный день грелась на тёплом гладком камне.

Но и в Осака тоже стало очень жарко. Там тоже высохли и канавы, и ручьи,

и пруды. Высох и тот круглый пруд, в котором жила лягушка. Дно совсем обмелело. Всю жизнь жила лягушка в пруду и вдруг очутилась на суше — ни воды, ни ила, одна сухая пыль.

«В Осака засуха! — подумала лягушка. — Надо куда-нибудь перебраться. Пойду-ка я в город Киото. Киото, говорят, столица Японии. Заодно посмотрю на столичные дворцы и храмы».

Подумала так лягушка и поскакала не спеша по дороге в Киото.

И случилось так, что обе лягушки отправились в путь в один и тот же день

и даже в один и тот же час — рано утром. Одна поскакала из Киото в Осака. Другая из Осака в Киото. Скакали лягушки не торопясь: скок — и посидят, скок — и посидят. И так как вышли они в путь

в одно и то же время и каждая из них скакала не быстрее и не медленнее другой, то, значит, и встретиться они должны были как раз посередине дороги.

А как раз посередине дороги между Осака и Киото стоит гора Тэнódзан. Вот лягушки прискакали к этой горе, отдохнули немного и стали потихоньку взбираться вверх по склону. Взбирались они, конечно, очень медленно, потому что не привыкли скакать по горам. Пыхтя и надуваясь, лезли они всё выше и выше. Друг друга они ещё не видели, потому

что между ними была гора. Наконец лягушки добрались до самой вершины. Тут-то они столкнулись головами.

— Вот так так! — сказала киотóская лягушка.

— Вот так так! — сказала о́сакская лягушка.

— Я лягушка из Киото и скачу в Осака. А вы? — спросила киотоская лягушка.

— Я лягушка из Осака и скачу в Киото. У нас в Осака такая засуха!

— В Осака засуха? В Осака засуха? — всполошилась киотоская лягушка. — Как и в Киото? Как и в Киото?

— А разве в Киото тоже жарко?

— Как же, как же! У нас в Киото не то что лужи, а даже и колодцы пересохли.

— Значит, незачем нам и скакать дальше, — печально сказала осакская лягушка. — Если у вас засуха и у нас засуха, так уж лучше погибать у себя дома.

Лягушки замолчали и задумались. Обидно возвращаться с полдороги!

Думали они, думали и решили друг друга проверить. Мало ли что тебе наговорят прохожие!

— Я вот что думаю, — сказала киотоская лягушка. — Уж если я взобралась на эту гору, так хоть погляжу отсюда на город Осака. Ведь с горы, должно быть, можно увидеть и море.

— Вот это хорошо придумано! — сказала осакская лягушка. — Посмотрю-

ка и я с вершины горы. Ведь отсюда, пожалуй, можно увидеть и дворцы и храмы города Киото.

Обе лягушки поднялись на задние лапки, вытянулись во весь свой лягушечий рост, выкатили свои лягушечьи глаза и стали глядеть вдаль.

Смотрели, смотрели, и вдруг киотоская лягушка шлёпнулась на землю и сердито сказала:

— Да что же это такое? Ничего нового, ничего интересного! Точь-в-точь наш Киото! Все говорят: море, море! А никакого моря я в Осака не вижу.

И осакская лягушка тоже рассердилась:

— Что же это такое! Какая же это столица! Точь-в-точь наш Осака. Я-то думала увидеть столичные дворцы и храмы. А на самом деле ничего там нет интересного, всё как у нас.

— Ну, если так, надо возвращаться в Киото! — сказала киотоская лягушка. — Будем ждать дождя дома.

— Ну, если так, надо возвращаться в Осака! — сказала осакская лягушка. — Если пойдёт дождь, и дома мокро будет.

Лягушки простились, повернули каждая в свою сторону и зашлёпали вниз по горе. И как только скакнули разок-другой, так и потеряли друг друга из виду, потому что между ними снова поднялась острая вершина горы.

Тем всё и кончилось: киотоская лягушка вернулась в Киото, а осакская лягушка — в Осака. И до конца своей жизни думали они, что город Киото как две капли воды похож на город Осака, а город Осака — на город Киото.

Но только это неверно. Совсем не похожи эти города.

Так в чём же дело?

А в том, что киотоская лягушка видела вовсе не Осака, а свой родной Киото, а осакская лягушка видела вовсе не Киото, а Осака.

Ведь у лягушек глаза на макушке. И поэтому когда они стали на задние лапки и задрали головы кверху, то глаза у них оказались сзади.

Вот они и смотрели не вперёд, а назад: каждая лягушка смотрела туда, откуда пришла.

Только сами они об этом не знали.

И вот осакская лягушка вернулась в Осака, в свой пруд, и грустно сказала своим лягушатам:

— Что Осака, что Киото — всё одно болото!

И лягушата горько заплакали.

Оттого и говорят: «Дети лягушки — те же лягушки».

А кiotоская лягушка вернулась в Киото, на старое место, забралась опять в свой колодец и сказала соседкам-лягушкам:

— Никакого моря на свете нет!

Оттого и говорят: «Колодезная лягушка моря не знает».

НАСТОЯТЕЛЬ И СЛУЖКА ТРИ РАССКАЗА

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

В деревне Титóса в храме был скупой и жадный настоятель.

Он никогда не давал своему служке ничего сладкого, а съедал всё сам.

А служка очень любил сладкое.

Как-то раз настоятелю принесли из деревни душистого, свежего мёду. Он положил мёд в банку, а банку поставил в укромное место, в божницу. И не дал служке даже попробовать.

Через несколько дней настоятелю пришлось уйти на целый день. Он сказал служке:

— Будь осторожен: тут, в божнице, у меня стоит банка со страшным ядом. С виду он похож на мёд, но это только так кажется. Стоит лизнуть этого яду — и ты умрёшь.

Как только настоятель ушёл, служка вытащил банку и съел весь мёд. А когда в банке уж ничего не осталось, он испугался и стал думать, как бы ему обмануть настоятеля.

Думал, думал и придумал. Он взял любимую чашку настоятеля, разбил её и положил черепки посреди комнаты, а сам лёг, укрылся одеялом и стал ждать.

Поздно вечером вернулся настоятель.

В комнате было темно. Настоятель сердито крикнул:

— Эй, служка, где ты? Что ж ты не зажжёг фонаря?

А служка из-под одеяла только стонет:

— Простите, отец настоятель! Я умираю! Сейчас мне конец. Скорей прочитайте молитву!

Настоятель испуганно спросил:

— Что с тобой, служка, что с тобой?

— Я виноват перед вами, отец настоятель. Сегодня я сидел на полу и мыл вашу любимую чашку, да вдруг пробежал кот и толкнул меня под руку. Я уронил чашку, и чашка разбилась. Мне только и осталось, что умереть. Я вытащил из божницы яд и съел всю банку. Ох, я уже чувствую, как яд разливается по моим жилам. Ох, мне худо! Прочитайте скорей молитву, отец настоятель!

И служка ещё громче застонал.

Настоятель понял, что служка его обманывает, а сказать ничего не мог. Так он и остался без мёда.

ВТОРОЙ РАССКАЗ

Как-то раз настоятеля опять не было дома. Служка сидел у входа и дремал.

Вдруг кто-то постучался. Служка открыл дверь и увидел старушку соседку с узелком.

— Нынче праздник, отдайте это отцу настоятелю, — сказала соседка и отдала служке узелок.

Как только она ушла, служка поднёс узелок к носу: от узелка шёл тёплый сдобный запах.

«Если я отдам узелок жадному настоятелю, я даже не узнаю, что в нём было, — подумал служка. — Лучше посмотреть сейчас».

Служка развязал узелок; в платке оказалась корзинка с тёплыми сдобными лепёшками. Служка осторожно вынул одну лепёшку и съел, потом вытащил другую и тоже съел, потом третью и так незаметно съел все лепёшки. А когда ни одной лепёшки уже не осталось, служка схватился за голову: «Пропал я! Что мне делать?»

Думал он, думал и придумал: снова завязал корзинку в платок и побежал с ней в храм.

Там он положил узелок у ног статуи будды Амида, а крошки от лепёшек

налепил будде на губы. Потом вернулся домой, уселся на прежнее место и как ни в чём не бывало стал ждать настоятеля.

Скоро вернулся и настоятель. Первым делом он спросил у служки:

— Приходил кто-нибудь, пока меня не было?

— Да, была соседка. Принесла к празднику узелок отцу настоятелю.

— Где же этот узелок?

— Я отнёс в храм и положил у ног Амида.

— А, это ты хорошо сделал! Пойду посмотрю.

Настоятель отправился в храм и в самом деле у ног Амида нашёл узелок.

Недолго думая он развязал узелок, открыл корзинку и увидел, что она пустая, только крошки были на дне.

— Эй, служка, ты всё съел? — сердито крикнул настоятель.

Служка прибежал, посмотрел на пустую корзинку и притворился, что очень удивлён.

— Вот чудеса! Никогда бы не поверил! — сказал он и показал на статую Амида. — Смотрите, отец настоятель: видно, Амида решил, что этот узелок принесли ему, и всё съел. Видите, у него и крошки на губах остались.

Настоятель тоже посмотрел на статую и рассердился:

— Это ты съел мои лепёшки? Вот скверный идол!

И он в гневе ударил медную статую посохом по голове.

Статуя зазвонила: бо-о-он, бо-о-он... А настоятелю показалось, что статуя говорит: «Он... он...»

Настоятель снова накинулся на служку:

— Слышишь, Амида говорит: «Он, он». Значит, это ты съел! Что ж ты отрицаешься?

Служка пожал плечами:

— Так он вам сразу и признается! Надо его пугнуть как следует. Погодите, я его заставлю говорить!

Служка сбегал за чайником с кипятком и стал лить кипяток на голову Амида и приговаривать:

— Ну что, правду я сказал? Было это или не было?

Вода потекла с головы статуи на пол и забулькала: буль-буль-буль...

— Вот видите, отец настоятель,— сказал служка,— вот он и признаётся: «Было, было, было».

Настоятель покачал головой и пошёл спать голодный.

ТРЕТИЙ РАССКАЗ

Однажды во время сильного дождя настоятель куда-то ушёл, а служка остался дома один. Вдруг в дверь постучался крестьянин: дождь застал его в пути и он сильно промок. Крестьянин попросил одолжить зонтик, потому что ему нужно было далеко идти.

Служка вынес новый зонтик настоятеля, только что купленный в городе. Крестьянин поблагодарил, взял зонтик и ушёл. Вечером настоятель вернулся домой и, как всегда, спросил, не заходил ли кто-нибудь, пока его не было дома.

— Да, был один крестьянин, попросил меня одолжить ему зонтик.

— И ты дал?

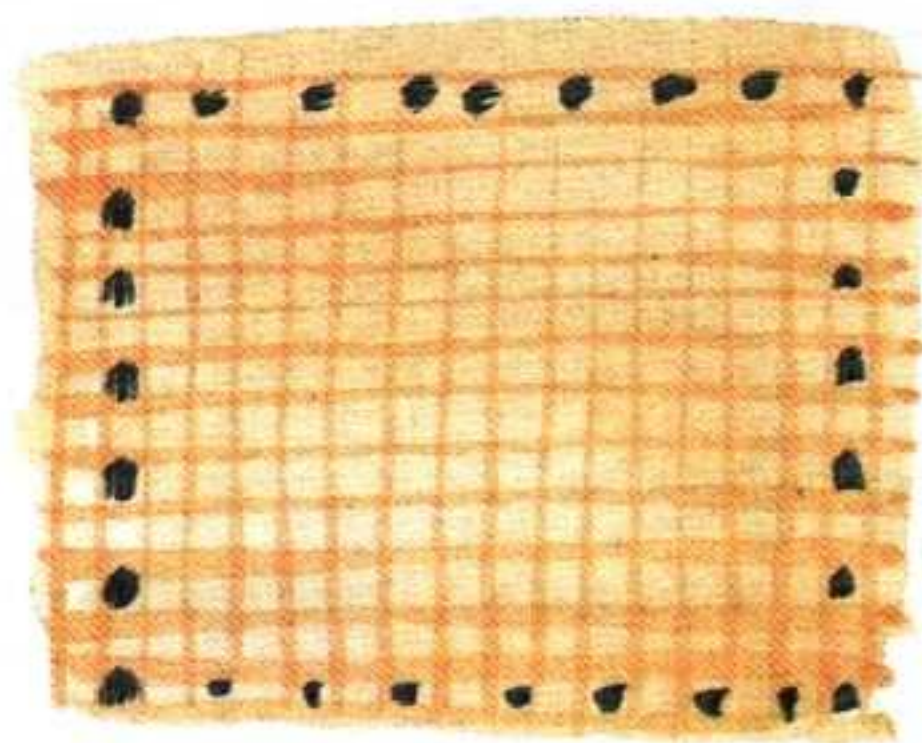
— Да, я ему дал ваш зонтик.

— Зачем же это ты сделал? — рассердился скупой настоятель. — Надо было не давать.

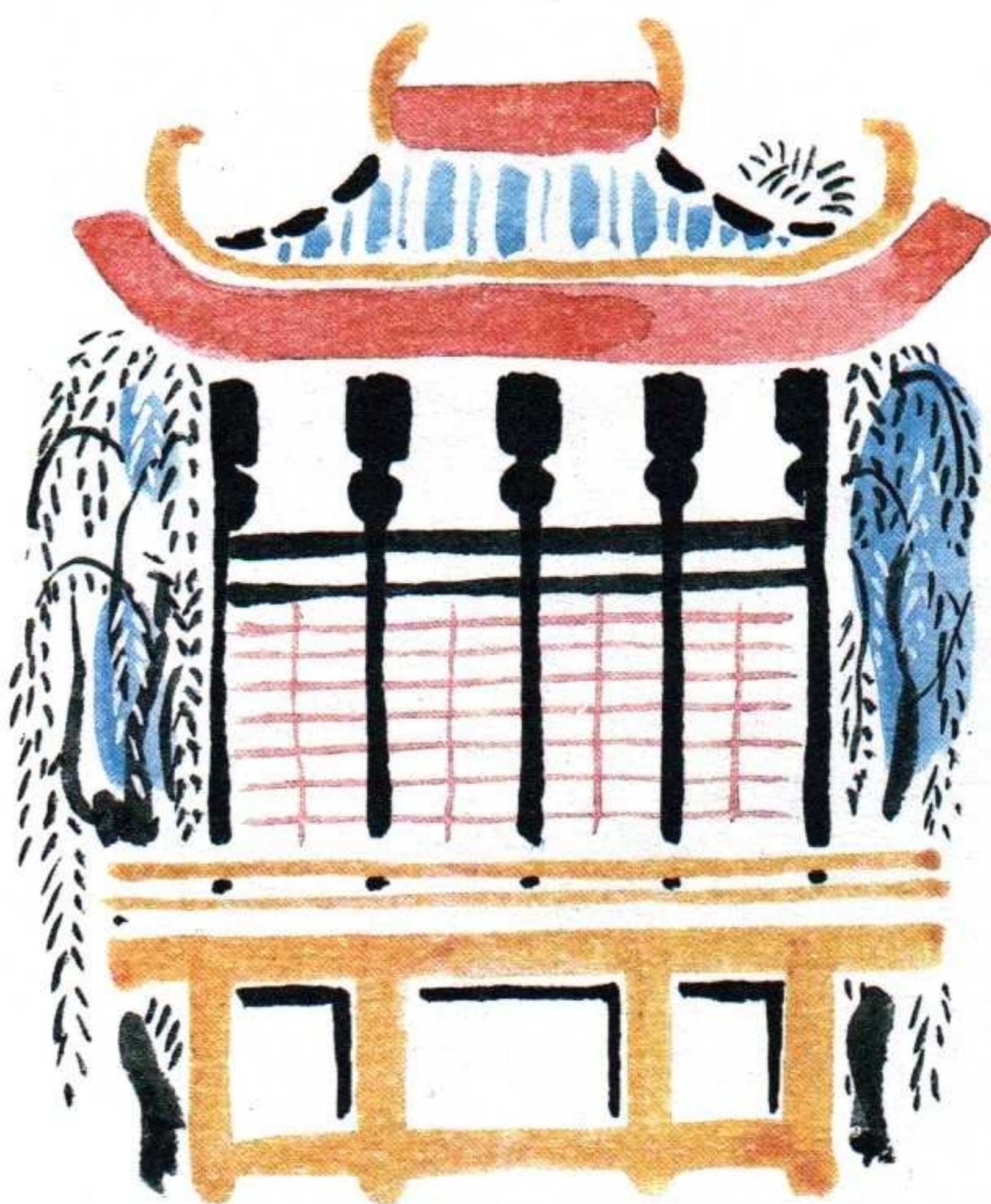
— Как же я мог не дать, когда шёл такой сильный дождь.

— А ты бы сказал, что зонтик сломан! Стоял, мол, вчера долго на солнце, рёбра у него рассохлись, обтяжка лопнула, его и бросили в чулан.

— Другой раз буду знать, — ответил служка.

Через несколько дней пришёл с просьбой другой крестьянин. Настоятель был в это время в храме, а служба возился на дворе. Вот крестьянин и обратился прямо к службе:

— Погода стоит сегодня хорошая. Надо бы мне съездить за горы к дочери, да лошадь моя захромала. Не даст ли мне настоятель на денёк свою лошадь?

— Нет,— ответил служба,— не даст. Он говорит, что лошадь, мол, вчера долго стояла на солнце, рёбра у неё рассохлись, обтяжка лопнула, вот её и бросили в чулан.

Удивился крестьянин, покачал головой и ушёл.

А настоятель, сидя в храме, слышал весь этот разговор. И как только крестьянин ушёл, он выбежал на двор и стал бранить службу:

— Что за глупости ты говоришь! Лошадь — не зонтик. Надо было сказать, что лошадь, мол, вчера объелась белены, скакала весь день как бешеная, отбила себе все ноги и теперь дрыхнет в конюшне.

— Хорошо! — ответил служба.— Следующий раз буду знать.

Через несколько дней в деревне умер один богач. Родные умершего

пришли звать настоятеля. Встретили они служку на дворе и говорят:

— У нас в доме покойник. Не может ли настоятель прийти к нам отслужить заупокойную службу?

— Нет,— ответил служка,— не может. Настоятель вчера обьелся белены, весь день скакал как бешеный, отбил себе все ноги и теперь дрыхнет в конюшне.

— Ну, такого настоятеля нам не надо! — ответили родственники умершего и ушли прочь.

ГОМБЭЙ- ПТИЦЕЛОВ

На самом севере Японии, на острове Хоккайдó, в деревне Ина́ги, жил крестьянин Гомбэй. Не было у него ни отца, ни матери, ни жены, ни детей. И земли у него не было. Жил он один на самом краю деревни, в маленькой избушке, а промышлял охотой на диких уток.

Каждый день Гомбэй поднимался до зари, шёл к большому озеру неподалёку от деревни, расставлял ивовые силки и долго-долго стоял у воды, подстерегая уток. За день ему удавалось поймать когда трёх, а когда двух уток. А бывало, что в силки к нему попадала всего одна утка, а то и вовсе ни одной.

Вот как-то ранней весной Гомбэй три дня подряд приносил домой только по одной утке. На третий вечер, возвращаясь с охоты, он стал думать:

«Ставлю я каждый день по три силка, просиживаю у озера с зари до зари, а ловлю всего-навсего по одной утке в день. Вот и завтра мне опять придётся встать ни свет ни заря, а потом весь день мёрзнуть на берегу. А что, если бы я поставил на озере сто силков? Наловил бы я тогда сразу столько уток, что мог бы целый месяц сидеть дома и греться у печки».

На другое утро Гомбэй никуда не пошёл, а сел плести из ивовых прутьев

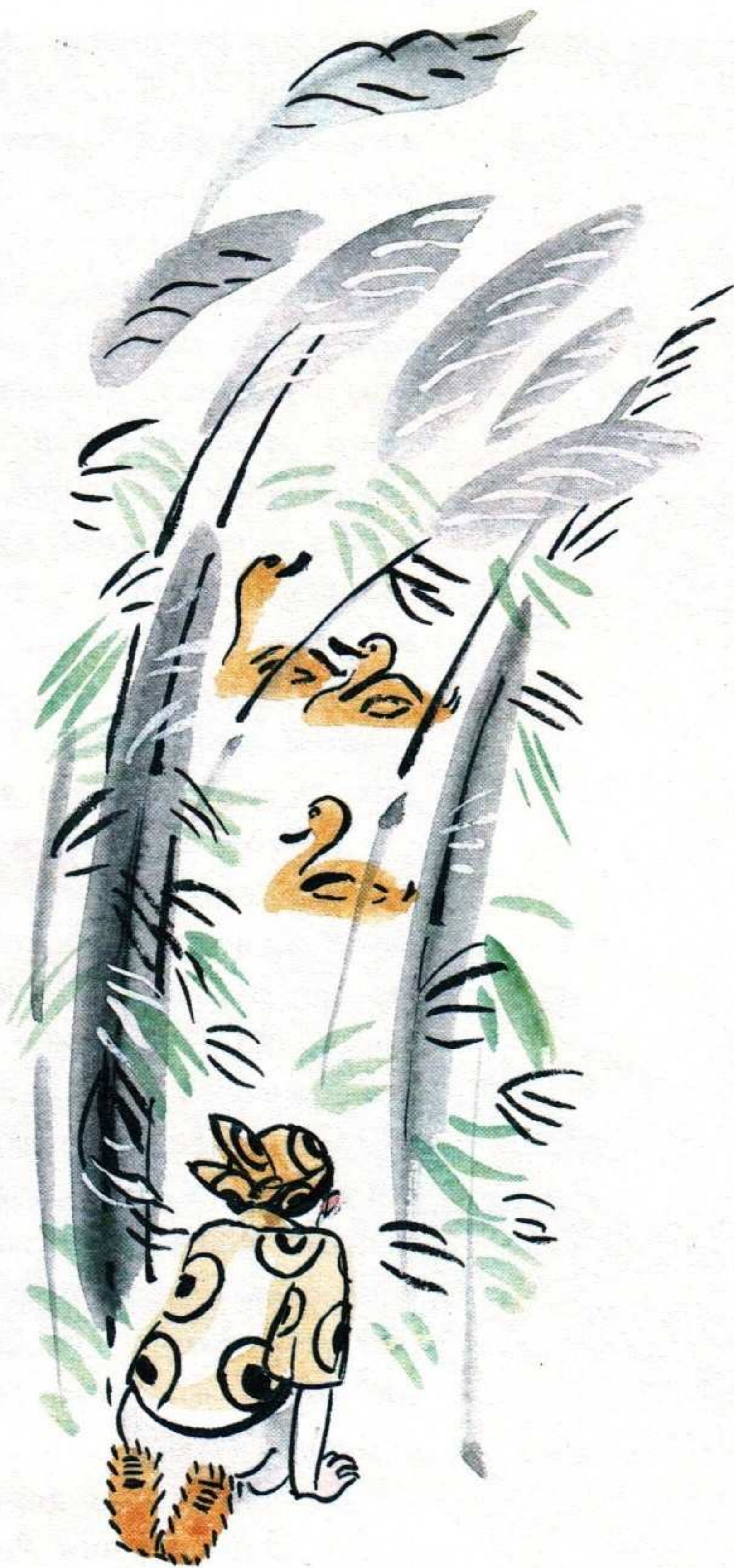
силки. Сплёл сто силков, расставил их на озере, а сам на ночь ушёл спать. Всю ночь ему снился один и тот же сон: будто со всего света слетаются утки и садятся прямо в его силки. Проснулся Гомбэй среди ночи, быстро оделся и побежал к озеру. Прибегает на берег, а никаких уток на озере нет. Как стояли силки с вечера, так и стоят. Все силки связаны верёвкой, а конец верёвки обмотан вокруг дерева.

Гомбэй оглядел силки и притаился на берегу у дерева.

Понемногу стало светать. И вдруг откуда-то в самом деле налетело много-много уток. Покружились они всей стаей над озером, а потом на воду села одна утка, за ней другая, третья, четвёртая. И как только садилась утка на воду, так прямо и попадала в силки Гомбэя.

Скоро во всех силках было по утке. Только один силочек ещё оставался пустым, а над озером летала последняя утка. Тут Гомбэй отвязал от дерева конец верёвки и стал медленно наматывать её себе на руку. Ему жаль было вытаскивать силки, пока хоть один силочек оставался пустым.

«Ещё бы одну утку поймать, и у меня будет целых сто. Тогда я и вытащу силки.»

А тем временем уже совсем рассвело и взошло солнце. Когда оно показалось из-за гребня гор, яркие лучи его упали на озеро, и вода в озере заблестела, засверкала. Утки на воде встрепенулись, замахали крыльями, и все девяносто девять с силками на ногах поднялись над озером. Гомбэй крепко натянул верёвку. Но утки были сильнее его — их ведь было девяносто девять. Они поднимались всё выше, а с ними вместе уходила верёвка. Уже не Гомбэй тянул верёвку, а верёвка тянула Гомбэя. И вот он отделился от земли и поднялся в воздух. Чем выше летели утки, тем выше поднимался и Гомбэй. Он висел на конце верёвки и крепко держался за неё обеими руками. Озеро осталось далеко внизу. Гомбэй только жмурился — он боялся посмотреть вниз. А утки летели всё выше, всё дальше, пролетели над озером, над деревней, над лесом, взвились над горой. И вдруг верёвка, на которой висел Гомбэй, оборвалась. Утки улетели дальше, а Гомбэй повис в воздухе. Сердце у него замерло от страха.

Тут бы Гомбэю и упасть, но он не падал. Удивился Гомбэй и осторожно открыл глаза. И что же? Он увидел, что по-прежнему летит по воздуху. Его подхватил ветер. Сильный ветер нёс Гомбэя высоко над землёй, над лесами, над горами, над долинами, над морем, далеко-далеко к югу. Летел Гомбэй день, летел другой, летел третий. На третий день ветер немного утих, и Гомбэй стал медленно-медленно спускаться на землю. Смотрит, а под ним крыши домов и кругом поле. На поле крестьяне сеют ячмень. Как раз посреди поля и опустился Гомбэй. Тут крестьяне бросили работу и со всех сторон побежали к нему. Гомбэй потопал ногами, помахал руками — от долгого полёта он не чувствовал ни рук ни ног, — а потом вежливо поздоровался с крестьянами и спросил:

— Что это за деревня? Куда я попал?

— Это деревня Акано, — ответили крестьяне.

— Никогда не слыхал про такую деревню. А вы-то сами японцы?

— Конечно, мы японцы! А ты, верно, издалека, раз не знаешь деревни Акано?

— Я с острова Хоккайдо, с самого севера Японии.

— А деревня Акано — на острове Кёсю, на самом юге Японии. Как же ты попал к нам и почему свалился с неба?

Тогда Гомбэй рассказал крестьянам, как его подняли в воздух утки, а потом три дня нёс ветер.

— Теперь тебе до дому не добраться, — сказали крестьяне, выслушав рассказ Гомбэя. — Для этого пришлось бы переплыть много проливов и морей и пройти пешком всю Японию с юга на север. Это тебе будет не по силам. Оставайся лучше с нами. Поселись у нас в деревне, помогай нам в работе, а мы тебя будем кормить.

Гомбэй немного подумал и согласился.

— На родине у меня никого и ничего не осталось. Отчего бы мне и не пожить у вас?

Так Гомбэй и остался жить на острове Кёсю, в деревне Акано. Поселился он у крестьян, помогал им в работе, сеял с ними ячмень, вырывал сорняки. Время шло быстро, кончилась весна, а потом и лето. Ячмень вырос и созрел, настала пора жатвы.

Однажды рано утром крестьяне пошли с серпами в поле и принялись за жатву. Гомбэй тоже усердно взялся за работу. Вдруг ему попался очень толстый, высокий колос. Гомбэй пригнул его к земле и хотел уже срезать серпом, как вдруг колос отпрянул обратно и ударил Гомбэя с такой силой, что подбросил его в воздух. Но Гомбэй не упал на землю. Его снова подхватил ветер и поднял высоко над полем.

Гомбэй не удивился. Он сразу понял, в чём дело.

— Это, верно, тот самый ветер, который принёс меня на

Кюсю! Теперь ветер возвращается обратно и, конечно, донесёт меня домой.

На этот раз Гомбэй устроился в воздухе поудобнее, чтобы у него опять не затекли руки и ноги.

А ветер нёс Гомбэя высоко над землёй: над лесами, над горами, над долинами, над морем, далеко-далеко на север. Целый день нёсся по воздуху Гомбэй, но вот к вечеру ветер утих, и Гомбэй медленно-медленно опустился на землю.

«Я летел нынче только день, а в тот раз летел три дня. Значит, я ещё не прилетел на Хоккайдо», — подумал Гомбэй.

Он огляделся. В самом деле: место было незнакомое. Кругом — пустынная равнина. Не то что жилья — даже деревца или кустика не было видно вдалеке.

Гомбэю стало страшно. К тому же солнце уже село, и стало темнеть, и со всех сторон надвигались тёмные тучи.

«Скоро дождь пойдёт. Куда я укроюсь?» — подумал Гомбэй. И он быстро зашагал вперёд, надеясь дойти до какого-нибудь жилья.

Вдруг он наткнулся на большой белый гриб.

«Вот какие удивительные грибы растут в этой стране!» — подумал

Гомбэй. Но, нагнувшись, он увидел, что это вовсе не гриб, а широкая крестьянская шляпа, сплетённая из рисовой соломы.

«Вот хорошо! — обрадовался Гомбэй. — В такой шляпе я и в дождь не промокну!»

Он поднял шляпу и хотел надеть её на голову. Но шляпа была ему мала. Долго тянул её за широкие поля Гомбэй и наконец всё-таки напялил её себе на голову. А чтобы она не улетела, завязал под подбородком тесёмками и зашагал дальше.

Не прошёл Гомбэй и сотни шагов, как в самом деле стал накрапывать дождь. Всё небо застлали тучи. Ветер так и рвал шляпу с головы. Но шляпа плотно сидела на голове у Гомбэя, да и тесёмки были завязаны крепко.

Долго рвал ветер шляпу и наконец поднял её в воздух вместе с Гомбэем, да так высоко, что Гомбэй уже не видел под собой земли — ни лесов, ни гор, ни моря, — а видел только облака под ногами.

Первый раз в жизни Гомбэй видел облака так близко. Одни облака были курчавые, а другие гладкие, одни толстые и пушистые, а другие сплюснутые и тонкие.

Так летел он над облаками день, летел другой. А на третий день ветер утих, и Гомбэй стал опускаться на землю.

«Куда-то теперь я попаду?» — подумал Гомбэй.

Он посмотрел вниз и увидел, что опускается в большую деревню. Посреди деревни стояла высокая пятиэтажная пагода. Не успел Гомбэй её как следует разглядеть, как очутился на самой её вышке и ухватился руками за шпиль

пагоды. Стоять так высоко было страшней, чем летать.

Огляделся Гомбэй кругом, поискал, нет ли ступенек, но никакой лестницы не было. Тогда Гомбэй громко, во весь голос, закричал:

— Помогите! Помогите!

На крик изо всех домов выбежали люди. Вся деревня сбегалась к пагоде. Сначала никто не мог понять, откуда слышен голос. Вдруг один мальчик крикнул:

— На пагоде человек!

Тогда все столпились вокруг пагоды и задрали головы кверху. Снизу Гомбэй казался таким крошечным, что его трудно было даже разглядеть. А он смотрел вниз и кричал:

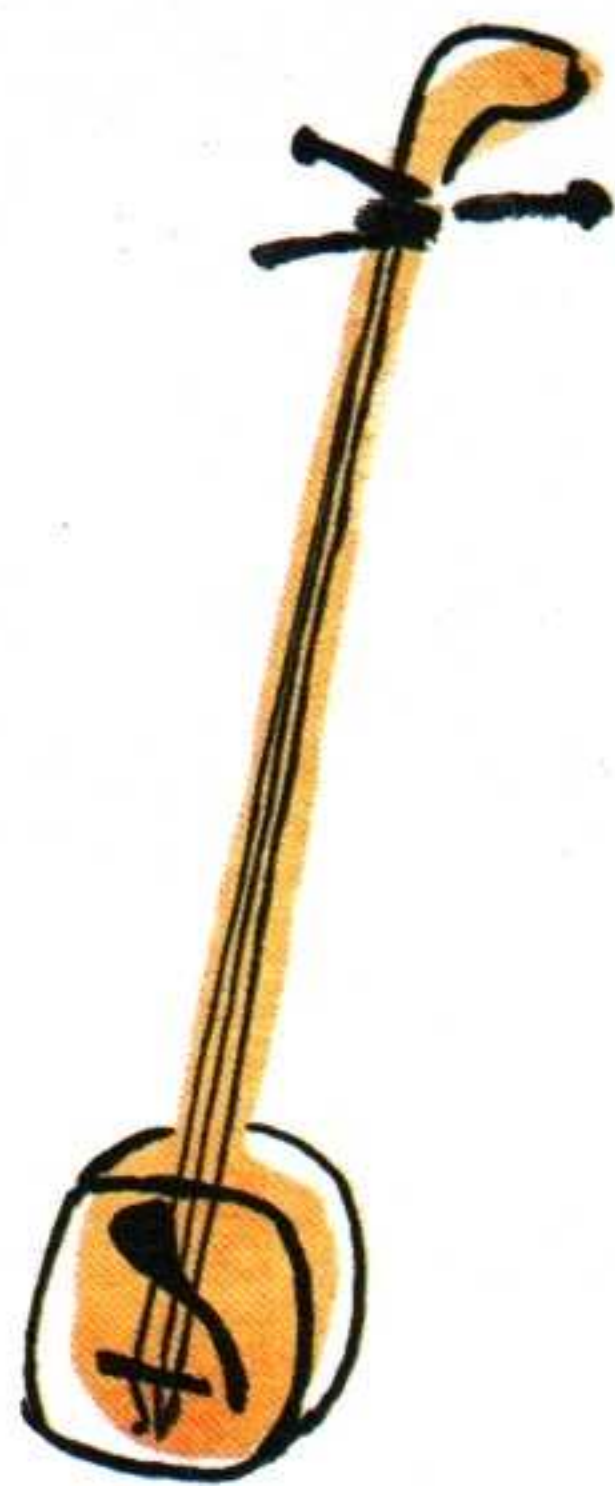
— Помогите! Помогите!

И вдруг у него закружилась голова.

Гомбэй покачнулся, выпустил из рук шпиль и упал с пагоды прямо на столпившихся внизу крестьян. Крестьяне ахнули, бросились в стороны да так стукнулись лбами друг о друга, что у всех из глаз посыпались искры. От искр всё кругом загорелось. И крестьяне сгорели. И пагода сгорела. И Гомбэй сгорел. И сказка вся тоже сгорела.

СКАЗКИ- ШУТКИ

УРАГАН И БОЧКИ

На краю города жил бондарь. Работы у него не было, и денег, значит, тоже не было. А зима выдалась суровая. Каждый день дул сильный ветер. Маленький домик бондаря скрипел и шатался. Даже самые толстые деревья в саду гнулись до земли.

Как-то раз утром бондарь посмотрел в окно и сказал своей жене:

— Посмотри, какой ураган! Наконец-то мы с тобой разбогатеем.

— Как же это мы разбогатеем от урагана? Не понимаю! — ответила жена.

— Ну и глупы вы, женщины! Никогда не слушаете мужей, вот и упускаете из рук счастье.

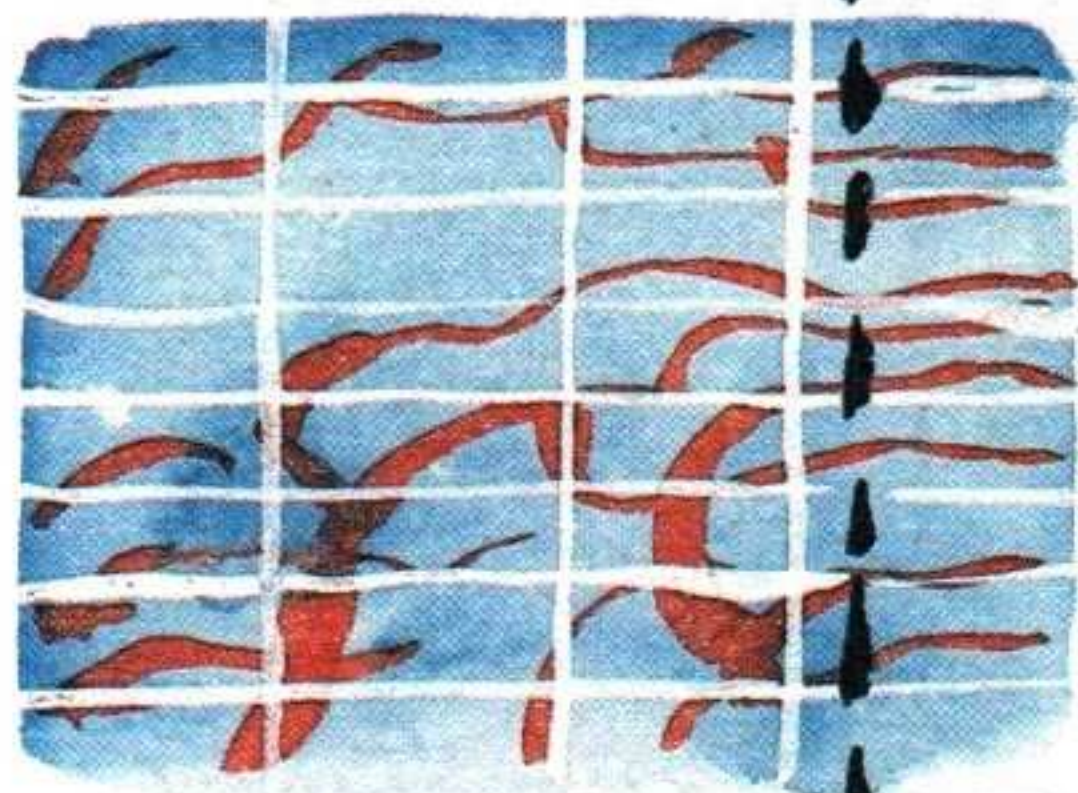
— Что же это за счастье — ураган? Бондарь откашлялся и сказал:

— Видишь ли, дело вот в чём. Когда дует сильный ветер, подымается пыль. Пыль попадает людям в глаза. От пыли глаза краснеют, слезятся. Вот в этом наше счастье.

— Ну и пусть у людей глаза слезятся, в чём же тут наше счастье?

— Какая ты непонятливая! Люди будут болеть глазами. Много народу ослепнет. Появятся, значит, слепые.

А что могут делать слепые? Им только и остаётся бродить по дорогам, играть, петь и просить милостыню. А на чём они будут играть? Понятно, на сямисэнах. Вот в этом наше счастье.

— Ну и пусть играют на сямисэнах, в чём же тут наше счастье?

— Вот бестолковая! Ведь сямисэны обтягивают кошачьей кожей. Понадобятся сямисэны — понадобятся и кошки. Всех кошек перебьют. Вот в этом наше счастье.

— Ну и пусть перебьют кошек, в чём же тут наше счастье?

— Да ведь если кошек не будет, во всех кладовых разведутся мыши. Мыши изгрызут все кадушки и бочки. Значит, людям нужны будут новые бочки и обручи. У меня будет много работы. Вот мы с тобой и разбогатеем!

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

Одному человеку захотелось поиграть на флейте, а флейты у него не было. Он пошёл в лавку купить себе флейту. В лавке он долго выбирал и осматривал одну флейту за другой, дул в каждую и щупал снаружи и даже внутри. В одну флейту он так глубоко засунул палец, что никак не мог вытащить его обратно. Тянул-тянул — палец не вылезает. Дёрнул изо всей силы — палец ещё крепче застрял. Как он ни бился, а палец не двигался ни взад, ни вперёд. Чтобы вытащить палец, оставалось только одно: разбить флейту. Но ведь флейта была чужая. Значит, надо было её сначала купить.

— Извините, пожалуйста, сколько стоит ваша флейта? — спросил он у хозяина лавки.

Хозяин подумал:

«Этот неосторожный человек слишком глубоко засунул палец в мою флейту и никак не может от неё освободиться. Значит, он заплатит сколько мне вздумается».

И он запросил за флейту столько, сколько стоили три флейты.

Покупатель торговаться не стал и, заплатив за флейту, побежал домой, что-

бы дома разбить её молотком и высвободить палец.

Свою покупку ему не пришлось нести ни в руках, ни в кармане: она была надетая на палец. Он махал пальцем во все стороны, потому что палец болел.

Вдруг из-за высокой бамбуковой изгороди одного дома он услышал прекрасные звуки флейты.

Ему захотелось узнать, кто это так хорошо играет. Он даже позабыл, что у него болит палец.

В изгороди он нашёл наконец место, где бамбуковые жерди разошлись и между ними образовалась щель.

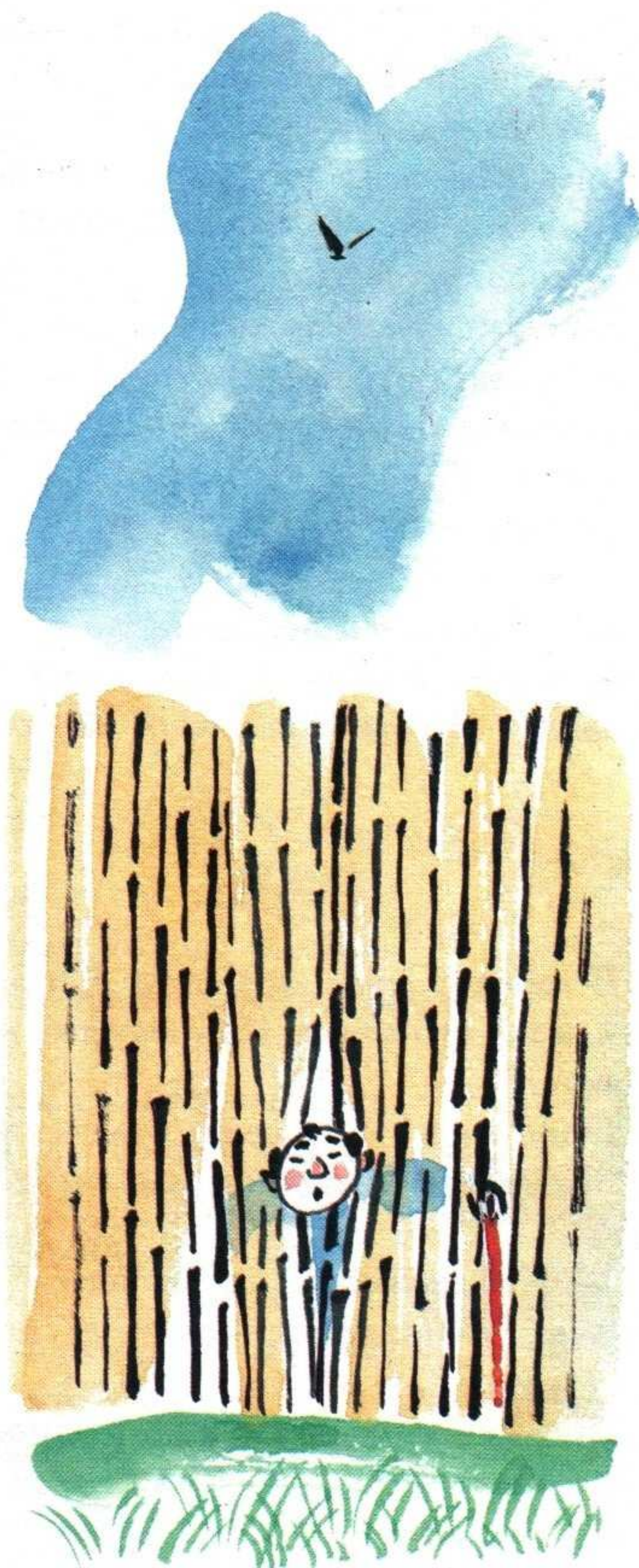
Он поглядел одним глазом в щель, стараясь разглядеть, что делается за изгородью. Но щель была такая узкая, что он ничего не увидел.

Тогда он ещё крепче прижался лицом к изгороди. От этого бамбуковые прутья ещё больше разошлись, и ему удалось просунуть в щель всю голову.

Но в эту самую минуту прекрасная музыка кончилась, и на балконе опустили занавеску.

— Вот досада! Еле-еле просунул голову, а смотреть не на что!

Любитель флейты опять вспомнил, что у него болит палец, и потянул

голову назад. Но голова его плотно застряла в щели. Бамбуковые жерди, которые он раздвинул лбом, теперь снова сошлись и зажали ему шею, как ошейник. Он дёргался и вертел головой так, что изгородь трещала.

На шум выбежали хозяева дома. Когда они увидели голову, торчавшую среди бамбуковых прутьев изгороди, они закричали:

— Что тебе надо? Зачем ты сюда сунулся?

— Извините, пожалуйста,— сказал любитель флейты,— сколько стоит ваша изгородь? Я хотел бы унести её с собой.

ВРУН

В городе Осака жил вун. Он всегда врал, и все это знали. Поэтому ему никто не верил.

Один раз он пошёл гулять в горы. Когда он вернулся, он сказал соседке:

— Какую змею я сейчас видел! Громадную, толщиной с бочку, а длиной с эту улицу.

Соседка только плечами пожала:

— Сам знаешь, что змей длиной с эту улицу не бывает.

— Нет, змея в самом деле была очень длинная. Ну, не с улицу, так с переулок.

— Где же это виданы змеи длиной с переулок?

— Ну, не с переулок, так с эту сосну.

— С эту сосну? Не может быть!

— Ну, постой, на этот раз я тебе скажу правду. Змея была такая, как мостик через нашу речку.

— И этого не может быть.

— Ну ладно, сейчас я тебе скажу самую настоящую правду. Змея была длиной с бочку.

— Ах, вот как! Змея была толщиной с бочку и длиной с бочку? Так, верно, это и была не змея, а бочка.

ИВОВЫЙ РОСТОК

Хозяин достал где-то ивовый росток и посадил у себя в саду. Это была ива редкой породы. Хозяин берёг росток, сам поливал его каждый день. Но вот хозяину пришлось на неделю уехать. Он позвал слугу и сказал ему:

— Смотри хорошенько за ростком: поливай его каждый день, а главное — смотри, чтобы соседские дети не выдернули его и не затоптали.

— Хорошо, — ответил слуга, — пусть хозяин не беспокоится.

Хозяин уехал. Через неделю он вернулся и пошёл посмотреть сад. Росток был на месте, только совсем вялый.

— Ты, верно, не поливал его? — сердито спросил хозяин.

— Нет, я поливал его, как вы сказали. Я смотрел за ним,

глаз с него не спускал,— ответил слуга.— С утра я выходил на балкон и до самого вечера смотрел на росток. А когда становилось темно, я выдёргивал его, уносил в дом и запирали в ящик.

ЖАДНАЯ ХОЗЯЙКА

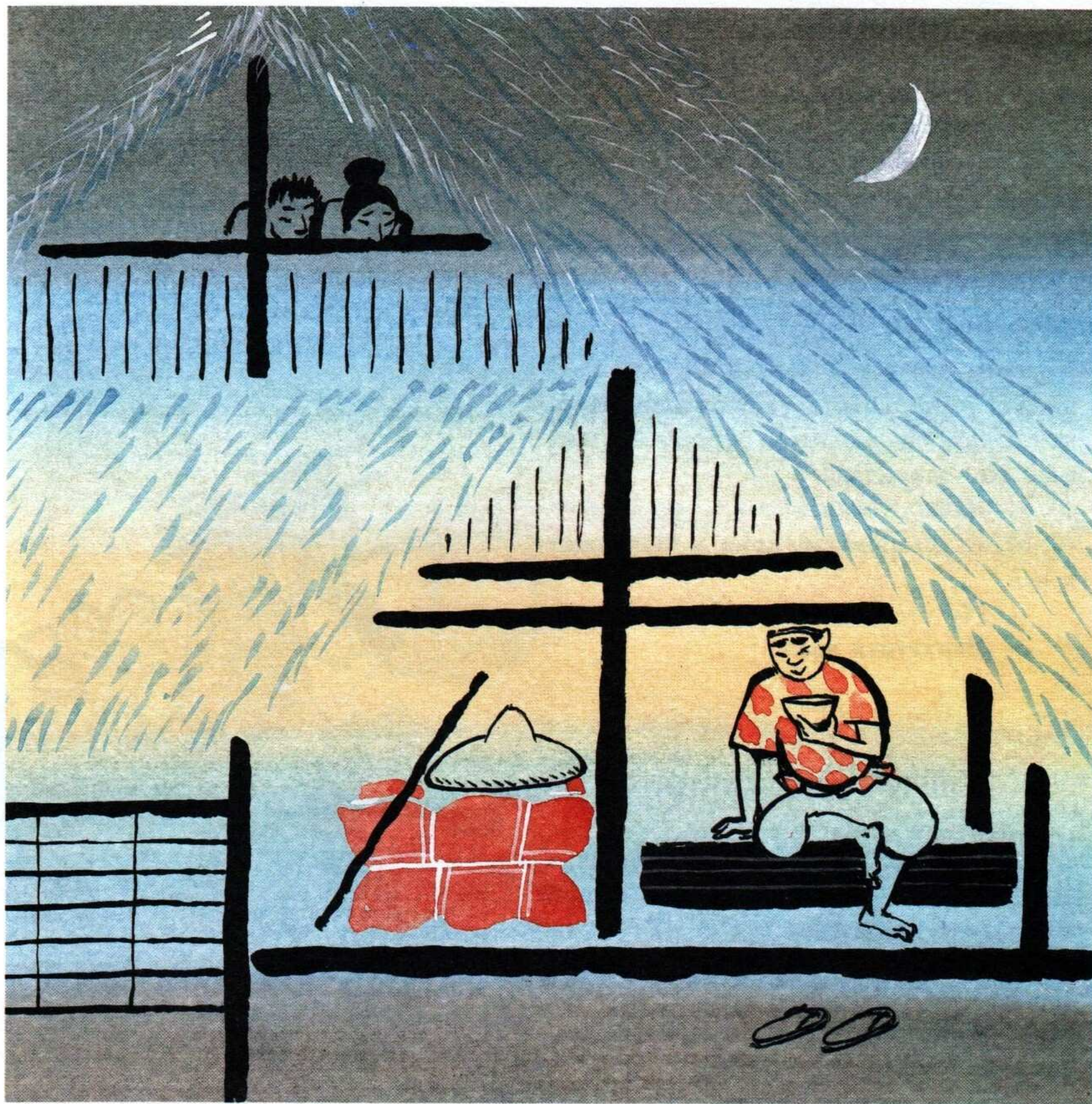
В одну деревенскую гостиницу зашёл странствующий торговец. За плечами у него был большой тюк с товарами. А хозяйка гостиницы была жадная женщина. Когда она увидела тюк, ей захотелось его заполучить. Она отвела торговца в комнату, а сама побежала к мужу посоветоваться, как выманить у торговца тюк.

— Это очень легко сделать,— сказал ей муж.— Надо нарвать травы мёга, сварить её и подмешать в ужин. Трава мёга отшибает память. Если торговец её поест, он непременно забудет тюк у нас.

Хозяйка так и сделала: пошла в сад, нарвала полную охапку травы мёга, сварила её и отвар подмешала во все блюда, даже в рис. А потом подала всё это на ужин торговцу.

Торговец съел ужин и ничего не заметил. Только голова у него немного закружилась и к лицу прилила кровь; ему захотелось спать. Он пошёл к себе в комнату, лёг и сразу заснул. Наутро он проснулся ещё на рассвете с тяжёлой головой, собрался и ушёл дальше.

Хозяйка подождала, пока торговец уйдёт из гостиницы, и сейчас же бросилась в его комнату за тюком. Но комната оказалась пустой. Хозяйка всё осмотрела, всё обшарила. Тюк не иголка, заметить его нетрудно. Но как ни искала, а найти его никак не могла. Раздосадованная, она побежала к мужу.

— Ни к чему твоя трава мёга! Напрасно я её варила. Торговец ушёл и ничего нам не оставил.

— Не может быть! Кто поест травы мёга, непременно что-нибудь забудет. Поищи хорошенько! Наверное, он что-нибудь забыл.

Хозяйка опять бросилась в комнату, где ночевал торговец, опять всё осмотрела, всё перерыла и опять ничего не нашла. Наконец она остановилась посреди комнаты и растерянно оглянулась по сторонам. Вдруг она хлопнула себя по лбу и на весь дом закричала:

— Забыл! Забыл!

Муж услышал её крик и прибежал к ней.

— Ну что? Что забыл?

— Заплатить забыл!

ДОБРЫЙ КРЕСТЬЯНИН

Один крестьянин оседлал лошадь и поехал в город за соей. В городе он купил двенадцать кадушечек сои.

— Больше восьми кадушечек твоя лошадь не поднимет,— сказал ему купец,— оставь четыре здесь. Приедешь за ними завтра.

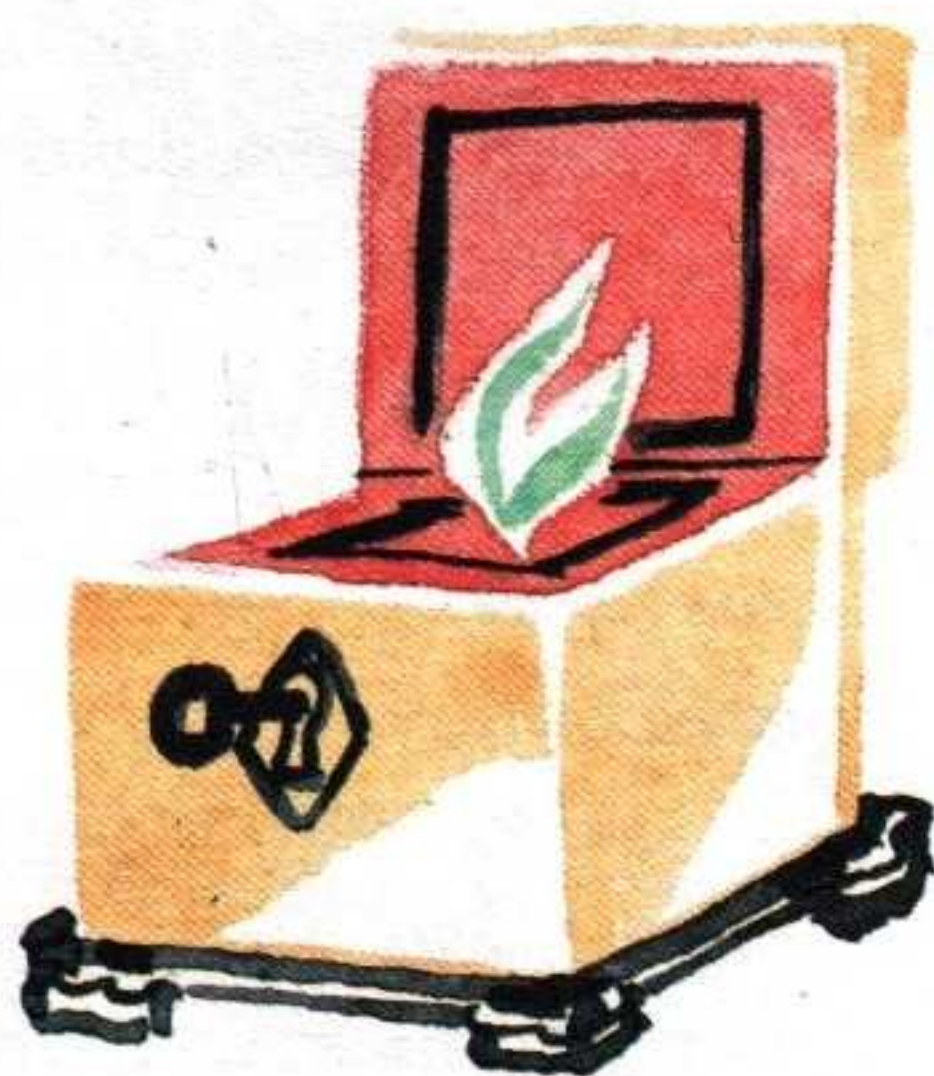

— У меня лошадь старая,— ответил крестьянин.— Ей и восьми кадушечек много. Я навьючу на неё только шесть, а остальные потащу сам.

Так он и сделал: шесть кадушечек навьючил на лошадь, а остальные шесть взвалил себе на спину. Потом взобрался на лошадь верхом и поехал.

Лошадь сделала шаг-другой и стала. Ноги у неё так и подгибались. Видно было, что до деревни ей не доплестись.

— Вот неблагодарное животное! — закричал крестьянин.— Другие навьючивают на своих лошадей по восьми кадушечек, а я жалею тебя — шесть кадушечек на себе везу. Что же ты ещё упираешься?

Ямори

На краю деревни Тойма, почти у самого леса, жили старик со старухой. Однажды осенним вечером они сидели и грелись у печки. По крыше стучал дождь, в домике было холодно и сыро.

— Кого ты боишься больше всего на свете? — спросила старуха старика.

Старик подумал и ответил:

— Конечно, тигра. Страшнее тигра нет никого на свете!

Старуха покачала головой:

— Это верно, тигр страшный зверь. Он нападает на овец, на коров и даже на лошадей. Но ведь у нас с тобой скота нет, что ж нам, беднякам, бояться тигра? Нет, я гораздо больше боюсь ямори, они такие противные, скользкие. Смотри, вон один уже ползёт!

И старуха показала на потолок: по потолку медленно полз ямори — маленькая серая ящерица.

А за окном притаился в это время тигр. Это был молодой, глупый тигр. Он крался вдоль стен и хотел пробраться в домик, чтобы съесть старика и старуху.

Слух у тигра острый. Стоя под окном, он услышал, что больше всего на свете старуха боится ямори.

Тигр обиделся.

«Что это за ямори? До сих пор я

думал, что страшнее меня нет никого. А выходит, что ямори ещё страшней. Хотел бы я посмотреть на этого зверя», — сказал про себя тигр.

И он задумался о том, какая морда, какие клыки и лапы должны быть у ямори, которого люди боятся больше, чем самого тигра. В темноте ему представились самые страшные чудовища, какие только могут представиться молодому и глупому тигру ночью, в дождь, под чужим окном. И тигру стало страшно. Ему казалось, что ямори вот-вот выскочит из домика и набросится на него.

Вдруг старик в домике крикнул:

— Ай, ползёт!

Тут бедный тигр задрожал от ужаса и пустился бежать так быстро, как мог, так быстро, как никогда не бегают старые, умные тигры.

Только добравшись до самого леса, тигр побежал тише.

«Ну, теперь ямори далеко от меня, а я далеко от ямори», — подумал тигр.

Он почти успокоился и хотел уже передохнуть, как вдруг опять задрожал от страха: что-то вскочило ему на спину.

«Ямори!» — подумал тигр.

На самом деле это был не ямори, а человек, деревенский конокрад.

Он давно уже стоял под деревом на опушке леса и посматривал, не бродит ли где-нибудь поблизости отвязавшаяся лошадь.

И вдруг он увидел, что к опушке леса бежит кто-то на четырех ногах.

От жадности у вора зарябило в глазах: ему показалось, что это жеребёнок. Конокрад изловчился, прыгнул на спину тигру и вцепился ему в шею.

А тигр со страху не разобрал, кто на него вскочил, да он и не мог видеть, что делается у него на спине. Ещё больше испугался тигр и пустился бежать во второй раз, да так быстро, как никогда не бегают старые, умные тигры.

Конокрад еле держался у тигра на спине. Никогда до сих пор он не видел, чтобы жеребёнок бежал так быстро. Испугался конокрад и ещё крепче ухватился за шею своего «жеребёнка».

А тигру показалось, что это страшный ямори запустил в него свои когти. Он помчался ещё быстрее. А чем быстрее он бежал, тем крепче цеплялся за его шею конокрад, а чем крепче цеплялся за его шею конокрад, тем быстрее бежал тигр. Так, пугая друг друга, неслись они в глубь леса.

Тигр знал, что в лесу есть гора, а под горой глубокая яма. К этой яме он и бежал.

«Надо сбросить ямори в яму! Если не сброшу, он меня съест», — думал тигр. Наконец он подбежал к самому краю ямы и что есть силы тряхнул головой. От толчка конокрад разжал руки, перекувырнулся и полетел вверх ногами в яму.

Тут только тигр перевёл дух и медленно поплёлся прочь.

Он очень устал за этот вечер.

Хвост у него повис, морда опустилась, и всё, что было на морде, тоже обвисло — и усы, и брови, только нос не обвис: нос у тигра плоский и поэтому висеть не может.

Неподалёку от ямы сидела на дереве обезьяна. Когда тигр бежал мимо неё, она показала на него пальцем и засмеялась.

— Отчего ты смеёшься? — спросил тигр обиженно.

— Уж очень у тебя смешной вид! Что с тобой?

— О, что со мной! Я сейчас видел ямори! — сказал тигр.

— А что это такое — ямори? — спросила обезьяна.

— Это страшное чудовище! Оно кинулось на меня и вскочило мне на спину. Но я не испугался. Я побежал к яме и сбросил чудовище на дно.

Обезьяна оскалила зубы и ещё громче засмеялась:

— Ах ты, дурак, дурак! Я видела, кого ты сбросил в яму. Это был вовсе не ямори, а человек.

Тигр рассердился:

— Обезьяна, а говоришь дерзости.

Докажи, что это был не ямори, а человек!

— Что ж тут доказывать? Пойди сам к яме да и посмотри!

Тигр поёжился. Очень ему не хотелось возвращаться к яме. Но и отказаться нельзя было — стыдно перед обезьяной. Он стоял на месте и переминался с ноги на ногу, а так как у него было целых четыре ноги, то это продолжалось очень долго. Обезьяна посмотрела на него и опять засмеялась:

— Ну и трус же ты! Давай пойдём вместе.

Обезьяна слезла с дерева и храбро зашагала к яме.

Ничего не поделаешь, пришлось тигру пойти за обезьяной. Но до самой ямы он не дошёл, а остановился недалеко от края, спрятался за деревом и стал ждать, что будет.

Обезьяна подошла к яме и нагнулась.

— Ну, что там? — спросил тигр из-за дерева.

— Не знаю. В яме темно, ничего не видно. Как тут разберёшь, кто сидит в яме?

Обезьяна задумалась.

— А, придумала! Опущу-ка я туда хвост и пощупаю.

А надо сказать, что дело это происходило давным-давно. Обезьяны были тогда не такие, как теперь. У них был длинный-длинный хвост, такой длинный, что обезьяна могла свободно закинуть его себе на плечо и обмотать несколько раз вокруг шеи, как шарф.

Вот такой длинный хвост обезьяна и опустила в яму.

А в яме барахтался конокрад. Он пробовал вскарабкаться по отвесной земляной стене наверх, но каждый раз земля обваливалась и он падал на дно.

И вдруг он увидел, что в яму опускается какая-то длинная верёвка.

«Наконец-то пришли мне на помощь!» — обрадовался конокрад.

Он подпрыгнул, крепко ухватился обеими руками за обезьяний хвост и повис на нём.

Обезьяна сразу почувствовала, что за хвост кто-то уцепился. Она испугалась и дёрнула хвост кверху, но вытянуть его не могла, потому что конокрад был тяжёлый и крепко держался за хвост.

Тянула обезьяна, тянула, дёргала-дёргала, но так и не вытянула хвост. Только лицо у неё покраснело от натуги. А конокрад услышал, как она кряхтит, и подумал:

«Вот как стараются добрые люди меня вытащить! Только бы мне не сорваться!»

Подумал он это и ещё крепче уцепился за хвост.

Обезьяна так и завизжала от боли. Тигр услышал её визг, осторожно выглянул из-за ствола и увидел, что обезьяна мечется по краю ямы, дёргается изо всех сил, а отойти от ямы не может.

«Вот беда! — подумал тигр. — Видно, ямори поймал обезьяну за хвост. Сейчас он взберётся по хвосту наверх и выскочит!»

Тигр зажмурился от страха и в третий раз пустился бежать, да так быстро, как никогда не бегают старые, умные тигры.

А обезьяна и не заметила, как он убежал. В последний раз собрала она все свои силы и выдернула хвост. Но тут её длинный хвост оборвался и упал на дно, а у обезьяны остался только самый корешок хвоста.

С той поры хвост у обезьяны короткий, а лицо красное.

..ДУРАК ЁТАРО

В одной деревне жила женщина с сыном. Сына звали Ётаро. Он был тихий и послушный мальчик: не шалил, не проказил, старался всем услужить, но только был очень недогадлив.

Однажды мать сказала ему:

— Ётаро, я пойду на речку бельё полоскать, а ты посмотри за рыбой. Она на кухне, а там сидит кот.

Мать взяла корзину с бельём и пошла на речку. А Ётаро сейчас же побежал на кухню, посмотрел по сторонам и увидел на полке блюдо с рыбой.

«Не могу я сидеть, задрав голову, и всё время смотреть на полку! — подумал Ётаро.— Лучше поставлю блюдо на пол».

Ётаро так и сделал: поставил блюдо с рыбой на пол, а сам уселся рядом и не моргая стал смотреть на рыбу. Про кота он и забыл. А кот в это время подкрадывался к рыбе всё ближе и ближе. Подобрался к самому блюду, ухватил лапой рыбью голову и стащил её на пол. Ётаро и не пошевелился. Кот съел рыбью голову, стащил с блюда рыбий бок и тоже съел. Так понемногу он съел всю рыбу. На блюде остался один только рыбий хвост.

Наевшись досыта, кот отошёл в сторону, свернулся в клубок и уснул.

«Вот теперь мне и смотреть не на что! — подумал Ётаро. — Рыбы на блюде больше нет. Пойду-ка я во двор, погуляю немножко».

Ётаро выбежал из дому, а навстречу ему мать с бельём.

— Ётаро, что ты делаешь во дворе? — спросила мать. — Я же тебе велела смотреть за рыбой.

— Я и смотрел.

— Отчего же ты убежал из кухни?

— А мне больше не на что было смотреть. От рыбы один хвост остался.

— А где же вся рыба?

— Кот съел.

— А ты что делал?

— А я на рыбу смотрел. Ты велела мне смотреть, я и смотрел.

— Ах, какой ты у меня глупый! — сказала мать. — Как ты не догадался крикнуть коту «брысь». Кот бы убежал, и рыба осталась бы цела.

— Верно,— сказал Ётаро.— В другой раз буду умнее.

На другое утро мать сказала:

— Ётаро, сходи на огород, посмотри, поспела ли редька. Да заодно погляди, не едят ли гусеницы капусту.

Ётаро сейчас же побежал в огород. Видит, редька и в самом деле поспела. Уже кое-где из земли торчат белые головки. Зато капуста вся изъедена. На листьях её сидят большие зелёные гусеницы.

Ётаро посмотрел на гусениц и подумал:

«Теперь-то я знаю, что мне делать. Надо прогнать гусениц с капусты».

И он закричал во весь голос:

— Брысь! Брысь!

Гусеницы и не пошевелились.

— Брысь! — ещё громче крикнул Ётаро.

Но, как он ни кричал, гусеницы спокойно сидели на листьях. Ётаро заплакал и побежал к матери.

— Чего ты плачешь? — спросила мать.

— Как же мне не плакать? Гусеницы едят нашу капусту. Я кричал им «брысь, брысь», а они не слушаются.

— Какой ты глупый! — сказала

мать.— Разве гусеница и кошка одно и то же? Надо было убить их, вот и всё.

— Верно,— сказал Ётаро.— В другой раз буду умнее.

В тот же день после обеда Ётаро сказал матери:

— Сегодня у нас в деревне представление — борцы приехали. Можно мне пойти посмотреть на них?

— Можно,— ответила мать.— Только не толкайся в толпе и ве́ди себя повежливее.

Ётаро обрадовался и побежал к деревенскому храму. Там во дворе уже шло представление. Посреди двора был выстроен дощатый помост, и на нём боролись два больших, толстых человека. Вокруг помоста толпились зрители. Вся деревня сбегалась на представление, и поэтому во дворе было очень тесно и жарко. У всех зрителей в руках были круглые бумажные веера, разукрашенные чёрными знаками. Веера тихо шелестели, и по всему двору проносился лёгкий ветерок.

Ётаро пришёл поздно и оказался в самом конце двора. Ему ничего не было видно, кроме затылков и спин зрителей. От нечего делать он стал рассматривать затылки. И тут он увидел розовую, блестящую, будто покрытую лаком, лысину. На самой её середине на единственном волоске сидела большая чёрная муха.

«Муха сидит на лысине совсем как гусеница на капусте,— подумал Ётаро.— Она съест последний волос старика. Надо её поскорее убить. Это будет очень вежливо».

Ётаро высоко поднял свой веер и хлопнул старика по затылку. Муха сейчас же перелетела на голову другого соседа. А старик охнул и обернулся. Увидев Ётаро, он сердито закричал:

— Как ты смеешь драться, негодный мальчишка!

И, размахнувшись, он больно ударил Ётаро по щеке.

Ётаро заплакал, щека у него вздулась и покраснела. С плачем выбрался он из толпы и побежал домой к матери.

— Что ты так рано вернулся? — удивилась мать.

— Из-за моей вежливости меня побили,— сказал Ётаро.— Я хлопнул одного старика по голове веером, чтобы убить муху, а он рассердился и поколотил меня.

— Ах, какой ты глупый! — сказала мать.— Зачем же ты хлопнул старика по голове? Надо было помахать веером, муха бы и улетела.

— Верно,— сказал Ётаро.— В другой раз буду умнее.

На другой день в деревне случился пожар. Ётаро никогда в жизни не видел пожара и побежал со всех ног смотреть, как горит дом. Ещё издали он увидел жёлтое пламя в густом чёрном дыму. По всей улице бегали и сустились люди. Ётаро добежал до горящего дома и остановился на другой стороне улицы.

Вдруг раздался грохот, и во все стороны полетели искры: это обвалилась горящая балка. Одна искра перелетела через улицу и упала на бумажное окно, у которого стоял Ётаро.

— Ой, ой! — закричал Ётаро. — Надо прогнать искру, а то от неё загорится весь дом.

Он вытащил из-за пояса веер и стал махать им изо всей силы. От этого искра ещё сильнее разгорелась и бумага начала тлеть.

Люди, которые жили в доме, заметили, что бумага у них на окне дымит, испугались и выбежали на улицу.

Тут они увидели Ётаро, который стоял у окна и раздувал веером огонь. Люди так рассердились на него, что вырвали у него из рук веер и хорошенько отколотили Ётаро. А загоревшуюся бумагу сейчас же залили водой.

Испуганный и заплаканный, Ётаро поплёлся домой.

— Что с тобой случилось? — спросила мать, увидев заплаканного сына.

— Меня опять побили, — сказал Ётаро, плача. — Я хотел согнать искру с бумажного окна, чтобы не загорелся дом, и стал махать на неё веером, а у меня отняли веер и поколотили.

— Ну и глупый же ты, — сказала мать. — Разве можно тушить искру веером? Огонь надо заливать водой.

— Это верно, — ответил Ётаро. — В другой раз буду умнее.

На следующий день утром Ётаро пошёл погулять. Он дошёл до самого края деревни. А на краю деревни стояла кузница. Дверь в неё всегда была открыта настежь, а внутри целый день полыхало пламя. Перед огнём раскачивались взад и вперед два парня. Они били по раскалённому железу молотами на длинных ручках. Когда молот ударял по железу, во все стороны сыпались искры.

Ётаро остановился перед дверью и заглянул внутрь.

— Опять пожар! — обрадовался Ётаро. — Ну, теперь я знаю, что делать.

Он набрал полное ведро воды и вылил его в огонь.

Кузнецы сначала только рты разинули. А когда вода в пламени зашипела, они набросились на Ётаро, надавали ему тумаков и вытолкали на улицу. С громким плачем побежал он домой.

— Что опять случилось? — спросила мать.

— Опять побили меня, — сказал Ётаро. — Я проходил мимо кузницы, а там горел огонь и сыпались искры, совсем как на пожаре. Я хотел залить огонь водой, как ты мне велела, а кузнецы рассердились и побили меня.

— Ну и глупый же ты! — сказала мать. — Ведь в кузнице огонь нужен для работы. Разве ты не видел, как там кузнецы бьют молотами по железу? Уж если ты хотел им помочь, так делал бы то же, что и они.

— Верно, — сказал Ётаро. — В другой раз буду умнее.

Через два дня, когда царапины и синяки у Ётаро зажили, он пошёл опять гулять. Только отошёл он от дома, как увидел двух парней, которые колотили друг друга палками.

«Надо им помочь!» — подумал Ётаро.

Он поднял с земли толстую суковатую палку и что есть силы ударил сначала одного, потом другого парня по голове.

Парни сейчас же перестали драться, и оба накинлись на Ётаро. Они были старше и сильнее его, да к тому же их было двое. Они так больно избили Ётаро, что он еле дотащился до дому.

— Что с тобой? — спросила мать. — Опять тебя побили?

— Опять, — сказал Ётаро. — Я увидел на улице двух парней. Они били друг друга палками. Я стал им помогать, а они оба вдруг набросились на меня и давай меня колотить.

Мать только рукой махнула:

— До чего же ты глуп, Ётаро! Ведь тут надо было не помогать, а разнимать.

— Верно, — сказал Ётаро. — В другой раз буду умнее.

Семь дней после этого сидел Ётаро дома, боялся показаться на улицу. Но на восьмой не утерпел и пошёл погулять.

Вышел он на улицу и видит: посреди дороги грызутся две собаки.

Ётаро остановился и закричал:

— Перестаньте драться!

Собаки его, конечно, не послушались. Тогда Ётаро подбежал к ним, ухватил их обеих за хвосты и стал растаскивать в разные стороны. Собаки ещё больше рассвирепели, зарычали и вцепились бедному Ётаро в икры. Если бы прохожие не подоспели на помощь, собаки разорвали бы его в клочья.

Едва живой вернулся Ётаро к матери.

Мать посмотрела на него и ничего уж больше не сказала. Дурака учить — только время терять.

ДЛИННОЕ ИМЯ

Как зовут Толькочона по-настоящему, никто не знал.

Дело в том, что, когда он родился, его мать стала придумывать ему имя. А кто-то сказал ей, что люди с длинным именем долго живут. Вот она и стала придумывать длинное-длинное имя. Придумала имя вдвое длиннее, чем у отца, — нет, мало. Придумала в семь раз длиннее — тоже мало. «Дай придумаю ещё!» Думала она день и ночь, и ещё день и ночь, и ещё день и ночь, и так устала думать, что совсем выбилась из сил. Наконец она сочинила такое длинное имя, какого и на свете никогда не бывало. Тут она очень обрадовалась и сказала родным: «Пусть мальчика зовут Чон...» Но едва только она сказала «Чон», как ослабела и умерла. Так никто и не знал, какое длинное имя придумала она своему сыну.

— Ну, — говорят родные, — она успела сказать только «Чон», пускай же мальчика и зовут Толькочон.

Скоро отец Толькочона женился во второй раз, и у его второй жены тоже родился сын. Мачеха Толькочона была женщина сильная и здоровая. Хотя она тоже думала три дня, чтобы придумать сыну имя подлиннее, но от этого ничуть не устала и на четвёртый день выгово-

рила всё имя до конца. И даже после этого не умерла, а осталась жива.

А имя и в самом деле было очень, очень длинное.

Вот оно:

О́НЮДО
КО́НЮДО
МАППИРАНО́НЮДО
ХИРА́НЮДО
СЭ́ЙТАКАНО́НЮДО
ХАРИМАНОБЭ́ТТО
ХЭ́ЙТОКО
ХЭ́ЙТОКО
ХЭ́ЙХАНОКО
ХЭ́МЭТАКАМЭ́ТА
ИЧО́ОГИРИКА
ЧО́ЧОРАГИРИКА
ЧО́ОНИ
ЧО́ОНИ
ЧО́БИКУНИ

ЧОТАРОБИ́ЦУНИ
НАГАНОБИ́ЦУНИ
АНО́ЯМА
КО́НОЯМА
АМО́ОСУ
КО́МООСУ
МО́ОСУ, МО́ОСУ
МО́ОСИГО́
Я́СИКИАНДОНИ
ТЭ́ММОКУ
ТЭ́ММОКУ
МО́КУНО, МО́КУНО
МО́КУДЗОБО́
ТЯВАНЧО́ОСУНО
ХИХИДЗО-Э́ИСКЭ.

Вот какое было длинное имя!

Оба мальчика росли вместе и часто ссорились друг с другом. Младший брат то и дело обижал и дразнил старшего:

— Ах ты, Толькочон! Чон-чон! Только-только! Только-чон!

Толькочон сердился и тоже принимался дразнить брата:

— Ах ты,

О́НЮДО
КО́НЮДО
МАППИРАНО́НЮДО
ХИРА́НЮДО
СЭ́ЙТАКАНО́НЮДО
ХАРИМАНОБЭ́ТТО...

Но тут язык у него заплетался. А когда он начинал сначала, младший брат был уже далеко.

Длинное имя и в самом деле приносило младшему счастье. Чтобы позвать его, нужно было иметь много свободного времени. Поэтому, когда надо было кого-нибудь куда-нибудь за чем-нибудь послать, всегда звали Толькочона:

— Толькочон, принеси поскорее воды! Толькочон, сбегай за углем!

И Толькочон приносил воду, бегал за углем и делал всё, что ему приказывали. А младший брат делал только то, что ему вздумается.

Даже когда младший был в чём-нибудь виноват, отец всегда звал старшего:

— Толькочон, иди сюда! Я тебе сейчас задам!

А младшему брату всё сходило с рук.

И мать его думала:

«Как хорошо, что я дала своему сыну такое длинное имя!»

Однажды старший брат играл с товарищами на дворе и упал в колодец. Товарищи закричали:

— Толькочон упал в колодец! Толькочон упал в колодец!

Сейчас же прибежали взрослые, спустили верёвку и вытащили Толькочона из колодца.

Мачеха подумала:

«Видно, правду говорят, что дети с коротким именем несчастливые. Вот Толькочон и свалился в колодец!»

А через два дня дети опять играли на дворе возле колодца. Младший брат вскочил на сруб колодца и закричал:

— Толькочон упал в колодец потому, что у него несчастливое короткое имя. А у меня счастливое длинное имя. Значит, я в колодец не свалюсь.

Тут он поскользнулся и полетел в колодезь. Товарищи бросились к дому его родителей и стали кричать:

— Скорее! Скорее! Ваш

ОНЮДО
КОНЮДО
МАППИРАНОНЮДО
ХИРАНЮДО
СЭЙТАКАНОНЮДО
ХАРИМАНОБЭНКЭЙ
(НЕ Т, НЕ БЭНКЭЙ!)
ХАРИМАНОБЭТТО
ХЭЙТОКО
ХЭЙТОКО
ХЭЙХАНОКО
КОКЭТАОТИТА...
ХОНЭТАТОКЭТА...

Тут они сбились и начали сначала:

— Скорее! Скорее! Ваш

ОНЮДО
КОНЮДО
МАППИРАНОНЮДО
ХИРАНЮДО
СЭЙТАКАНОНЮДО
ХАРИМАНОБЭТТО
ХЭЙТОКО
ХЭЙТОКО
ХЭЙХАНОКО
ХЭМЭТАКАМЭТА...

Тут они опять сбились и опять начали сначала:

— Скорее! Скорее! Ваш

ОНЮДО
КОНЮДО
МАППИРАНОНЮДО
ХИРАНЮДО
СЭЙТАКАНОНЮДО
ХАРИМАНОБЭТТО
ХЭЙТОКО
ХЭЙТОКО
ХЭЙХАНОКО
ХЭМЭТАКАМЭТА...
АНОЯМА
КОНОЯМА
АМООСУ
КОМООСУ
МООСУ, МООСУ...

Но тут один мальчик закричал:

— Неверно, неверно, мы пропустили всю середину!

И они опять начали сначала:

— Скорее! Скорее! Ваш

ОНЮДО
КОНЮДО
МАППИРАНОНЮДО
ХИРАНЮДО
СЭЙТАКАНОНЮДО
ХАРИМАНОБЭТТО
ХЭЙТОКО
ХЭЙТОКО
ХЭЙХАНОКО
ХЭМЭТАКАМЭТА...

Тут они замолчали, отдохнули немного и заговорили снова:

ИЧООГИРИКА
ЧОЧОРАГИРИКА
ЧООНИ
ЧООНИ
ЧОБИКУНИ
ЧОТАРОБИЦУНИ
НАГАНОВИЦУНИ
АНОЯМА
КОНОЯМА
АМООСУ
КОМООСУ
МООСУ, МООСУ
МООСИГО
ЯСИКИАНДОНИ
ТЭММОКУ
ТЭММОКУ
МОКУНО, МОКУНО
МОКУДЗОБО
ТЯВАНЧООСУНО
ХИХИДЗО-ЭИСКЭ

упал в колодезь!

Услышали это родители, схватили верёвку и побежали к колодезю.

Но было уже поздно: мальчик с длинным именем утонул.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕЧЕНЬ ЖИВОЙ ОБЕЗЬЯНЫ 7

ШИШКА СПРАВА И ШИШКА СЛЕВА 20

ВЕЕР ТЭНГУ 32

ДВЕ ЛЯГУШКИ 43

НАСТОЯТЕЛЬ И СЛУЖКА 49

ГОМБЭЙ-ПТИЦЕЛОВ 58

СКАЗКИ-ШУТКИ 70

ЯМОРИ 80

ДУРАК ЁТАРО 89

ДЛИННОЕ ИМЯ 99

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

ЯПОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ИБ № 4245

Ответственный редактор
Л. Я. ЛИБЕТ

Художественный редактор
С. И. НИЖНЯЯ

Технический редактор
Л. В. ГРИШИНА

Корректоры

Л. И. ДМИТРИЮК и
Т. А. СТАДОЛЬНИКОВА

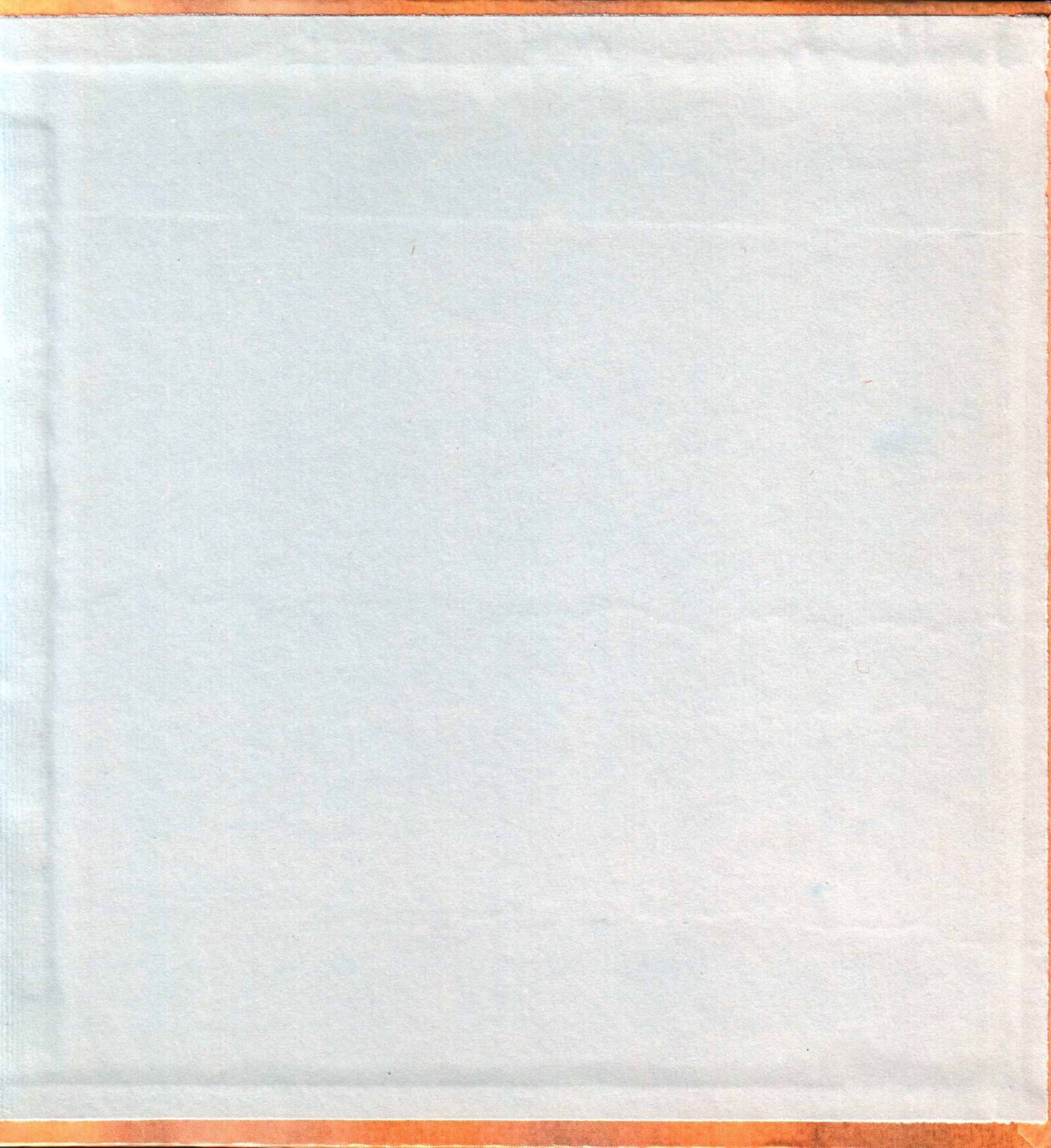

Сдано в набор 26.08.81. Подписано к печати
17.12.82. Формат 70×90¹₁₂. Бум. офс. № 1.
Шрифт академический. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отт. 43,29.
Уч.-изд. л. 7,38. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 4142. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени изда-
тельство «Детская литература» Государст-
венного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фаб-
рика «Детская книга» № 1 Росглавполи-
графпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, Сущевский
вал, 49.

Я 4803020000—038 027—82
M101(03)83

© Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

2 p.